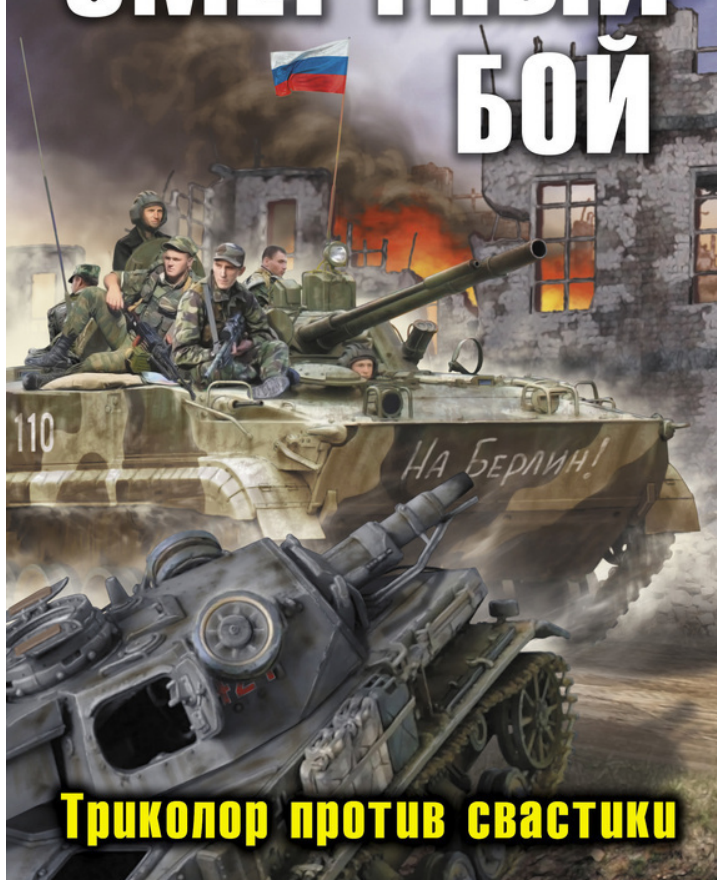

Федор Вихрев
СМЕРТНЫЙ
БОЙ

Триколор против свастики

Федор Вихрев
Смертный бой. Триколор
против свастики
Серия «2012: Вторая Великая
Отечественная», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696510

*Смертный бой. Триколор против свастики: Якуза, Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-53124-0*

Аннотация

Новый роман от авторов бестселлера «Веду бой!». Продолжение самого масштабного фантастического боевика о «попаданцах» – здесь в 1941 год «проваливается» уже не одиночка и даже не воинская часть, а вся Россия. РФ XXI века против Третьего Рейха! Триколор против свастики. Двуглавый орел против гитлеровского стервятника. Российская армия против «непобедимого Вермахта».

«Бой идет святой и правый.

Смертный бой не ради славы,

Ради жизни на земле...»

Сможем ли мы вновь дойти до Берлина – и какой ценой? Способны ли повторить подвиг СССР? Достойны ли бессмертной

дедовской славы? Если да – русский мальчишка с автоматом Калашникова снова напишет на развалинах Рейхстага «Ни хрена! Дошли» – и чуть ниже добавит «Превед!»

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
День четвертый	11
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Федор Вихрев

Смертный бой Триколор против свастики

Предисловие

«Война окончена, забудьте...»

Сколько раз нам приходилось слышать и читать эти простые слова, сказанные и написанные неглупыми людьми. Призывающими к следованию «общечеловеческому взгляду на историю», «гуманистическим ценностям», говорящими и пишущими об «обманутых диктаторскими режимами простых людях», подменяющими смысл великого подвига и трагедии всего советского народа рассуждениями о «бессмысленных жертвах» и «маршалах-мясниках».

Ревизия взглядов на Великую войну – лучший способ заставить народ забыть ее. Превратить героизм солдат в «оболваненность сталинской пропагандой», подвиг тружеников тыла – в «страх перед неотвратимыми репрессиями». Какому народу понравится осознать себя жертвой злой воли тирана, а не творцом Победы?

Разрушая память народа в угоду чужим интересам, подменяя жестокую логику борьбы с нацизмом обывательскими

представлениями, ревизионисты тем самым готовят благодатную почву для возрождения человеконенавистнической идеологии и практики, побежденной в середине двадцатого века усилиями наших дедов и прадедов.

И вот уже на стенах русских домов появляются свастики, а по улицам русских городов маршируют люди с нацистскими приветствиями. А это означает, что война не окончена, если духовные наследники Третьего рейха поднимают голову в стране, вынесшей всю тяжесть борьбы с коричневой чумой. И победившей ее.

Своей книгой мы хотим ответить всем фальсификаторам истории Великой Отечественной войны:

«Нет, война не окончена. Пока живы те, кто помнит ее. Пока не похоронены погибшие солдаты Великой Отечественной, лежащие в земле почти семь десятков лет. Пока есть опасность возрождения нацизма».

Пусть для того, чтобы показать без преувеличения всенародный характер борьбы, нам потребовалось фантастическое допущение. Пусть наша книга ориентирована в первую очередь на подрастающее поколение. Главное – в том, что мы постарались ответить на вопрос: «Не утрачен ли нами, потомками поколения победителей, тот внутренний стержень, что стал главным залогом победы советских людей над жестоким и сильным врагом?»

Авторский коллектив – постоянные участники литературного форума «В Вихре Времени» (<http://forum.amahrov.ru>),

выступающие под общим псевдонимом Федор Вихрев:

Ивакин Алексей

Логинов Анатолий

Акимов Сергей

Артюхин Сергей

Калганов Андрей

Конев Александр

Шеховцов Алекс

Сергеев Виталий

Судьбин Андрей

Тулицын Андрей

Туробов Андрей

Шкаев Александр

Рольщиков Виталий —

выражает надежду, что поставленные, непростые по нынешним временам, задачи оказались нам по силам.

И наша книга сможет изменить хоть что-то в лучшую сторону. По крайней мере, заставит задуматься, а куда же мы придем, если забудем о Войне и о Победе?

Нашей общей Войне и нашей общей Победе...

С уважением, редакторы-составители

Алексей Ивакин,

Андрей Туробов

Пролог

Музыка, музыка, музыка... Вечная музыка, музыка, музыка...

Сапогами по асфальту – шершавая музыка, музыка, музыка дорог.

Мальчики идут на смерть.

Отцы, мужья, сыновья идут по улице к вокзалу.

Где-то там, впереди, стоит под парами эшелон. Музыка играет духовым оркестром на обочине. Мальчики идут на войну.

Там, впереди, будут окопные вши, трехлинейки, минометные обстрелы. Но об этом еще никто не знает. Они просто идут под музыку, музыку, музыку...

Колонна мальчиков, ошестинившись сталью штыков, бряцает консервами в вещмешках. Метр за метром – они уходят от дома в неизвестность.

Вот они подходят к вагонам. Вот они уже в самих вагонах. Они оглядываются на своих девочек, зная, что оглядываться нельзя. Они знают, но смотрят. И взгляды ищут друг друга. Безмолвный крик над заплаканными перронами. Мальчики стоят в вагонах. Девочки молчат вдоль эшелона. Жизнь разорвана. Лишь тонкие ниточки взглядов между ними. Нельзя смотреть, нельзя не смотреть.

Нервы стянуты. Сердца разломлены горбушкой хлеба. И

музыка, музыка, музыка...

Мальчики... Девочки...

Крик взлетает к небесам, когда поезд трогается.

И девочки нестройной толпой бредут по домам, стараясь ступить на невидимые следы своих мальчиков.

Музыка стихла вдали. Недоплакавшие окна рыдают по ночам.

Но от танков слезы не спасают.

Кому-то повезет. Кого-то привезут.

Мальчики лежат в школьных классах. Девочки выносят заскорузлые бинты.

На рваной линии разреза, между миром и войной – бинты, мальчики, пули и девочки. И музыка, музыка, музыка... Прощай, славянка, прощай. Прощай меня за то, что я не смог. Вечно меня прощай.

Когда посадишь березку рядом с моей могилой – прощай меня.

Когда повесишь мемориальную доску на бывший госпиталь – прощай меня.

Когда принесешь мне цветы – прощай меня. До смерти меня прощай и после нее тоже.

Прости, что вместо тебя дорога под меня ложилась. Прости, что я сам пророс в земле, а не в тебе.

Давай поверим, что это не нас убили. Я еще жив, и ты еще ждешь. И звездочки не на погонах, а на небе. И пыль не от взрывов, а от пашни. Давай?

Увы... Не обмануть судьбу. Музыку не обмануть.
Я помню тебя на том перроне.
Помнишь ли ты меня?

День четвертый

**29.10.2011/ 25.06.1941. Дмитрий
Медведев. Президент. Москва**

– Вячеслав Юрьевич, и что мне делать с этими письмами? Проигнорировать? Или поручить вам поблагодарить за проявленную активную гражданскую позицию и тех и других? В процессе личной встречи?

Голос президента буквально сочился ядом. Еще бы! С утра пораньше заместитель главы администрации принес «в клювике» два письма от «представителей творческой интеллигенции и деятелей культуры». Одно в поддержку идеи отмены моратория на применение смертной казни как средства наказания, а второе – конечно же, против! Чума на оба их дома... Бубонная...

– Я могу устроить вам такой праздник. Сами принесли – сами и расхлебывайте с подписантами. И вообще – вы чем думали, когда эти коллективные доносы мне на стол клали? И о чем?

– В своих действиях я руководствовался, в первую очередь, высшими соображениями. Сейчас, как никогда, важно обозначить единство общества. – Голос главного, согласно

неофициальной «табели о рангах», идеолога государственного курса был как обычно ровен. Человек, ославленный на весь мир «серым кардиналом Кремля», мог позволить себе многое, но только не страстность. «Если ты волнуешься, значит, ты уже проиграл» – следование этому принципу, усвоенному им еще в студенческие годы, никогда не подводило.

– Если нам до сих пор не удавалось нащупать точки соприкосновения для разных по идеологическим предпочтениям групп, то сейчас, как мне представляется, настал именно такой момент.

– Какой момент? Вы что, так и не поняли ничего? Идет война, и как всегда не та, к которой мы худо-бедно готовились. Нынешний наш противник многими поколениями воспринимался как абсолютное зло. Даже последние десятилетия не смогли стереть из народной памяти старый образ врага. – Глава государства резко отмахнулся от попытки собеседника что-то объяснить или возразить... Уже неважно. – И не пытайтесь мне доказать, что уже произошло и закрепилось какое-то смещение акцентов или изменение в восприятии. Все равно у вас адекватных аргументов не найдется. Подумайте лучше о том, что в современном массовом сознании чертами того самого «абсолютного врага», каким для нашего народа были нацисты, наделяется любой, даже мало-мальски заметный противник. Для наших людей фашизм очень долго был, пожалуй, самым значимым мерилем добра и зла. И не надо мне приводить в пример несколько сотен, да пусть

даже и две-три тысячи зигующих недоумков! Они находятся в пределах статистической погрешности.

– Простите, Дмитрий Анатольевич, но я вас не понимаю. Мы вроде бы говорили об отношении к смертной казни? – Недоумение заместителя главы президентской администрации было столь убедительным, что ему хотелось верить. Здесь и сейчас. Но президент прекрасно знал своих ближайших помощников, чтобы испытывать в отношении их хоть какие-то иллюзии.

– Хоть передо мной-то ваньку не валяйте, Вячеслав Юрьевич! И не надо обиженное удивление изображать, все вы прекрасно поняли. В общем, жду ваших соображений по формированию смешанных групп из числа подписавших обе эти – президент брезгливо приподнял титульные листы двух писем за уголки – бумажки. Согласуете с министерствами обороны, внутренних дел, чекистами технические вопросы пребывания представителей «общественности» в районах, освобожденных от гитлеровцев. Дня через три-четыре их будет достаточно. И запомните – Бог ли, Судьба ли предоставили нам уникальный шанс – сохранить образ «абсолютного врага» в массовом сознании практически нетронутым еще лет на пятьдесят, как минимум. Грех этим не воспользоваться. Тем более что большую часть работы за нас сделают сами немцы, да еще и «деятели российской культуры» поспособствуют. А то кандидатов на место нацистов в последние двадцать лет развелось – отбоя нет!

**Из мемуаров гауптмана Хельмута
Пабста, в июне 1941 года – командира
дополнительной группы 77-й эскадры
пикирующих бомбардировщиков
(Ergänzungsgruppe Sturzkampfgeschwader 77)**

«Вечером 24 июня погода, наконец-то, наладилась, и наша эскадра в полном составе перелетела на аэродром Бяла Подляска. Я зарулил свой самолет на стоянку и, пока его готовили к вылету и подвешивали бомбы, вместе со своим заместителем, гауптманом Александером Глэзером, сел в машину и направился в штаб, чтобы обсудить план бомбовых ударов по частям русских в районе Белостока и Бреста. Высоко в небе пели моторы „стодевятых“ 51-й истребительной эскадры Вернера Мельдерса, у края летного поля уставили в небо тонкие стволы 37-сантиметровые зенитки, и мы чувствовали себя в полной безопасности. Неожиданно я услышал странный, на грани восприятия, шелестящий звук. Он быстро нарастал, делаясь все ближе и ближе, я приказал остановить машину и вышел, чтобы увидеть его источник. Он не заставил себя ждать: шелест превратился в оглушительный грохот, заставивший все мое существо сжаться в комочек. Из-за деревьев, на высоте в несколько сот метров, выскочил летательный аппарат со скошенными, прижатыми к корпусу

крыльями, с хищным острым носом, похожий на наконечник огромной стрелы. С невероятной скоростью он промелькнул над моей головой и прошел вдоль взлетной полосы в сторону позиций зенитчиков. Я увидел, как от него один за другим отделилось несколько продолговатых предметов, которые лопнули в воздухе, разбрасывая множество темных точек. Еще секунда – и не успевшие сделать ни одного выстрела зенитные орудия исчезли в облаках сотен разрывов, а в атаку уже заходила следующая адская стрела. Сброшенные ею бомбы с нечеловеческой точностью легли в склад боеприпасов, и земля подо мной начала содрогаться. Я стоял как парализованный, не в силах сдвинуться с места и не понимая, что буквально в ухо кричит мне мой заместитель. Потом выяснилось, что он пытался заставить меня лечь на землю... Шелестящий гром накатился еще дважды. На этот раз удар пришелся на стоянки самолетов, превратившиеся в море огня и дыма. Между тем стреловидные самолеты невиданно быстро набрали высоту, превратившись в еле видные точки, описали дугу и в пологом пикировании пошли на второй заход. Отважные „ягеры“ воздушного патруля попытались сблизиться с ними, но куда там... Разница в скорости была просто чудовищной. Один из пилотов Vf.109 отчаянно бросил свою машину в пикирование, надеясь перехватить атакующий самолет противника. На мгновение мне показалось, что ему это удастся...

Но пилот следующей „стрелы“ чуть повернул острый нос

своего дьявольского аппарата, я услышал пульсирующий звук, и струя огня уткнулась в нашу машину. Vf.109 сложился в воздухе, как комок бумаги, затем вспыхнул и бесформенным клубком огня упал на окраину деревни. Такая же судьба постигла и его ведомого. Почему-то в этот момент перед моими глазами на секунду встала совершенно другая картина: шесть двухмоторных самолетов с красными звездами один за другим падают на землю. Я моргнул и вновь увидел то, что происходит на самом деле: адские стрелы по очереди прошли над тем, что еще недавно было аэродромом, поливая его огненными трассами. Затем две „стрелы“ улетели, а две сделали еще один заход. Первая сбросила еще несколько бомб, которые лопнули в воздухе, но новых разрывов на земле не последовало. А затем произошло то, что окончательно повергло меня в ступор: я увидел, как прижатые к фюзеляжу крылья прямо в воздухе повернулись, и невероятная машина стала похожа на обычный самолет, только без винта. Он с громом пролетел над сотворенным им адом – видимо, вражеские пилоты фотографировали результаты своего удара, и прошел от меня совсем близко. Я отчетливо увидел скошенный назад киль, нанесенные на него красные звезды с бело-синей окантовкой, синие цифры „38“ на фюзеляже и крохотную голову пилота в белом шлеме за стеклом кабины. Только тут я понял, что этот аппарат, только что совершавший маневры, которые не сможет повторить не только „Штука“, но и ни один, даже самый совершенный,

истребитель, на самом деле размерами не уступает четырехмоторному бомбардировщику FW.200 „Кондор“!

Настало время подсчитывать потери... Большая часть наших Ju.87, наших великолепных „Штука“, которые мне так нравились и которыми мы все так гордились, превратились в груды догорающих на земле бесформенных обломков. Под бомбами погибло множество отличных пилотов, заработавших славу и ордена в небе Британии и Балкан, таких, как оберст-лейтенант Хельмут Брук, гауптман Альфонс Ортоффер и гауптман Хельмут Боде. Но это был еще не конец трагедии... Как оказалось, русские (а теперь уже никто не сомневался, что чудовищные машины, всего за два захода уничтожившие нашу эскадру, были именно русскими) буквально засеяли всю территорию аэродрома мелкими, размером с мячик для лаун-тенниса, минами, от каждой из которых тянулось несколько тонких нитей, образующих смертельную паутину. Стоило коснуться хотя бы одной такой, совершенно незаметной в траве ниточки, как мина взрывалась, буквально наспигивая несчастную жертву сотней мелких осколков. На одной из таких мин и подорвался командир эскадры граф Клеменс фон Шенборн-Визентхайд, который попытался организовать тушение пожаров, вынос раненых и спасение того, что еще можно спасти. Какая печальная ирония: выжить в небе над Англией и Ла-Маншем, заслужить Рыцарский крест и погибнуть на земле от противопехотной мины... Хуже того: оказалось, что эти чертовы шарики совер-

шенно невозможно обезвредить, и во время попыток разминирования погибло несколько саперов из дислоцированного неподалеку инженерного батальона. Солдаты из аэродромного обслуживания попытались просто обозначить вешками опасные предметы, но буквально через час мины сами начали взрываться, иногда поодиночке, иногда – целыми группами, причем в совершенно непредсказуемом порядке, так что окончательно приступить к спасательным работам мы смогли только через двое суток. Естественно, за это время большинство раненых, сумевших выжить непосредственно во время налета, умерли. В общем, 77-я эскадра прекратила свое существование как боевая единица. Я с ужасом смотрел на разрушения, которые нанесли аэродрому всего лишь четыре вражеских самолета за два захода, и все яснее понимал, что, начиная эту войну, мы совершили смертельную ошибку, которая будет иметь для Германии самые роковые последствия».

Вечером того же дня, на аэродроме в Белоруссии начальник оперативного отдела 455-го бомбардировочного с удовольствием просматривал аэрофотоснимки, запечатлевшие результаты дневной работы летчиков его полка. На снимках из Бяла Подляска он задержался особенно надолго... Затем вытащил из-под стопки рапортов потертую книжку, на обложке которой значилось «Хазанов Д. Б. 1941. Горькие уроки: Война в воздухе», открыл заложенную полоской бумаги страницу и негромко произнес: «Интересно, этот Пабст вы-

жил? А то так уж он вкусно расписывал, как „мессеры“ пачками СБ валили... Если выжил – теперь другое писать будет!»

Максим Андреев. Выживальщик. Нижегородская область

Несмотря на ударную дозу алкоголя, Макс так и не смог сразу уснуть.

Еще бы. Вот она – «мародерочка» во всей красе. Все оказалось не так, как они рисовали на форуме.

Автолавка должна была пройти по той самой «кэмэлтрофитрассе», на которой застряла их «газелька».

Они успели соорудить засаду буквально в паре километров от деревни. Принесли сваленную старостью сухостоину, положили ее поперек дороги и улеглись в кустах. Ольга – с левой стороны, Макс – с правой. Рустэм, время от времени, переползал с одной стороны дороги на другую. Лишь около четырех часов дня они услышали натужный рев мотора. К тому времени Макс уже замучился бить комаров, радостно оживших под солнцем. Рустэм же вышел на саму дорогу. Камуфляж, болотники, «Сайга» за спиной, рюкзачок за спиной – типичный охотник, коих немало ползает осенью по просторам России.

Автолавкой оказался типичный лупоглазый «газик-фургон». Полсотни третий, который.

Рустэм махнул рукой. Машина остановилась, фыркая двигателем. Из кабины высунулся пожилой водитель. Потом они пошли к бревну. Макс старательно держал мужика на мушке своего «Наганыча». Когда мужик нагнулся к бревну...

Рустэм резко ударил прикладом по затылку. Мужик кулем свалился в подсыхающую грязь. Из кабины выскочила какая-то жирная баба и заорала на весь лес. Внезапно, сам для себя Макс выстрелил. Выстрел оглушил его, и он зажмурил глаза, продолжая жать и жать на спусковой крючок. Поэтому он не увидел, как Рустэм плюхнулся в ту же дорожную грязь, по которой маслянисто расплывались ручейки крови из проломленного черепа водителя. Не увидел и того, как Ольга спокойно вышла из своих кустов. Подошла к визжавшей бабе-продавщице и всадила в упор две пули из своего травматического пистолета.

Потом Рустэм долго орал на Макса. И когда подгоняли «Ниву», чтобы перегрузить продукты в нее. И когда отгоняли «газик» в лес. И когда закапывали трупы водителя и продавщицы.

Правда, к вечеру Рус помягчел. Выдал бутылку водки из новоприобретенного ящика, «полторашку» ядовито-желтого лимонада и отправил вон из бункера. Продышаться, пропить и проблеваться.

Макс все это как-то не так представлял.

Нет, ну понятно – бой есть бой. Напали – отвечай. А этих за что? Когда они отыгрывали варианты выживания – тако-

го не было. Однако случилось. Ольга вообще с презрением смотрела, когда он, отворачиваясь, тащил тело водителя к наспех вырытой яме.

Когда уже стало светать, к Макс, сидевшему на небольшом пригорке, подошел Рустэм.

– Переживаешь все? – дружелюбно спросил командир.

Макс промолчал в ответ, уставившись тупым взором в горизонт.

– Дай-ка... – отобрал он из рук Макса полупустую бутылку и сделал большой глоток. Потом шумно выдохнул.

– Слушай меня, хлюпик. Время – пришло. Если мы не выживем, то кто? Цены больше нет. Стоять за нее – не надо. И переживать бесполезно. Цена сегодня – не жизнь, а патроны и водка. Понял? У тебя, кстати, сколько патронов осталось?

Макс молча пожал плечами.

– Сегодня на настоящее дело пойдем. Так что много не пей. Мне нужны твердые руки.

– Рус... – выдавил Макс.

– Что?

– А бабу Дусю сможешь?

– Надо будет – смогу! Ради тебя, ради всех нас. Понимаешь? А так... да на хрен она нужна? Пусть свой век дошпиливает как может.

– А если менты приедут?

– Мы с тобой уже это обсуждали. Помнишь? – ухмыльнулся Рустэм.

Макс кивнул. И опять молча.

Да. Они это уже обсуждали. Примерно на третий-четвертый день после Большого Песца власть должна рухнуть. Менты, эфэсбэшники, армия должны озаботиться выживанием своих родных, а не своей Родины. И сбежать с постов. Вместе с оружием. Уиновцы – те вообще всегда отморозками были. Должны организовать банды вместе с зэками.

– Так что, милый мой, сейчас всем не до нас и не до автолавки убогой. Понял?

Макс понял. Умом-то он понимал, а вот на душе было погано. Но об этом он не решился сказать. Просто снова кивнул. И снова молча.

– Вот и молодец. На. Глотни еще!

Макс послушно глотнул.

– А теперь – спать. Скоро на дело.

«А все-таки Рустэм молодец. Настоящий командир... – вяло думал Макс, забираясь в свой спальник. – Настоящий, да...»

И уснул, так и не обратив внимания, что Ольги рядом не было...

Понял, только когда они выбирались, вчетвером, на шоссе. Девки остались, как обычно, на Базе. Кроме Ольги. Та сидела рядом с Рустэмом, отчаянно крутившим баранку на скользкой лесной дороге.

Рядом с Максом сидел Пашка. И, как обычно, играл в «Сталкера». Впрочем, нет. Иногда он пытался поискать мо-

бильный Интернет. Но связи так и не было... Рустэм удивился в первый раз, когда они вышли на трассу. Та была просто забита транспортом. Фуры, грузопассажирки, фургоны, просто легковушки и даже бэтээры неслись сплошным потоком в сторону Нижнего.

– Рус, ты говорил... – начала было Ольга.

Паша индифферентно оглядел шоссе и снова уткнулся в ноут.

А Макс тихонько прислонился лбом к стеклу и молча смотрел в... Горизонт? Вместо горизонта была темно-зеленая стена елей.

– Сам знаю, что и когда я говорил! – зло огрызнулся Рустэм, вертя головой и пытаясь вклинить в поток машин. – Видишь? Паника это! Паника! Снуют туда-сюда без дела...

Наконец какой-то большегруз тормознул, мигнув фарами и выпуская на асфальт грязную «Ниву», вынырнувшую из леса.

Рустэм махнул водиле рукой и лихо вывернул на асфальт. Впереди шел тентованный «Урал», в котором рядком сидели солдатики с автоматами в руках, пялившиеся от скуки на ребят.

– Странно все это... – сказал Макс. – Как-то все не по плану идет.

Рустэм промолчал, только сильнее сжал руль. Так, что даже костяшки побелели.

– Странно, – снова сказал Макс. – А встречака пуста...

– Заткнись, – ответил Рус и зло посмотрел в зеркало заднего вида. – Паша, что со связью?

– А? – встрепенулся тот, как обычно, погруженный в свои программистские мысли.

– Со связью, говорю, что?

– Да тут и до БП связи никогда не было. Ближе к городу подойдем – будем посмотреть.

И снова уткнулся в ноут.

Внезапно машины начали притормаживать, потом и вовсе остановились. Стояли минут пять. Потом Рустэм не выдержал и вышел из машины. Сначала он выглянул на встречу. Потом подошел к «Уралу». Что-то спросил у солдатиков. Те только ржали в ответ. Макс не выдержал и тоже вышел.

Только он подошел к Рустэму, как за спиной раздался громкий голос:

– Кто такие? отошли от машины, быстро!

Макс оглянулся – перед ним стоял какой-то офицер. По три маленькие звездочки на погонах – капитан или старший лейтенант? – Макс все время путался в званиях.

– Командир, да мы спросить хотели, что происходит-то? – широко улыбнулся обаятельный Рустэм.

– Кто такие, я спрашиваю? – офицер смотрел на них... Нехорошо смотрел. Словно сквозь прицел.

– Да туристы мы, товарищ старший лейтенант, – сделал шаг назад Рустэм. – Вот, в Нижний возвращаемся, а тут такая фигня нездоровая!

– Что, и про войну не слышали? – удивился старлей.

– Да я ж говорю, мы десять дней по лесам бродили!

– Документы есть?

– А как же... – Макс и Рустэм вытащили свои паспорта и протянули офицеру. Тот быстро пролистал их, потом вернул обратно.

– А с кем война-то? – не выдержал Макс.

– В город вернетесь – узнаете. Все в военкомате расскажут. Всеобщая мобилизация и военное положение в стране. Так что сели обратно в тачку и сидите там как мыши.

– Опа! – удивился Рустэм. Или сделал вид, что удивился. – А что тогда стоим?

– Блокпост впереди. Все. Брысь отсюда.

Когда они сели, громко хлопнув дверьми, Рустэм нервно забарабанил пальцами по рулю.

– Рус, что делать-то будем? Нас же загребут на блокпосте!

– Макс, заткнись!

Ольга же, сухо и бесстрастно, сказала:

– Разворачивайся, и уходим обратно.

– Мля! Оль! Нас же эти вон... – Рустэм кивнул на «Урал». – В момент положат.

– Я лучше сдамся! – просипел Макс, в горле которого мгновенно пересохло, и попытался было открыть дверь.

– Сидеть! – рявкнул Рустэм. – Вышак захотел? Тебя по законам военного времени прямо тут шлепнут, а потом за ноги подвешат вон на той березе.

– Это осина, – флегматично поправил Паша.

– Тем более!

– И они не будут стрелять, – добавил программист. – У них приказа нет – это раз. Два – может быть, мы решили колонну обойти по проселкам. Наконец...

Договорить он не успел. Стоящий «Урал» медленно двинулся вперед. Рус моментально завел свой «вездезд» и, резко вывернув руль, выскочил на встречу и втопил педаль в пол.

«Нива» взвизгнула покрышками, взметнула грязь с обочины и понеслась по пустой полосе. Мимо мелькали фуры, «опели» и прочие «девятки». Люди стремились в город. А Макс, Паша и Ольга, обернувшись, смотрели в заднее окно. Вояки не отреагировали на побег «Нивы».

– Номера, млять. Номера! Они нас по номерам пробьют! – вдруг крикнул Макс.

– Не пробьют! – заорал Рустэм. – У нас вторая машина не засвечена!

Колонна застывших машин мелькала вереницей красок. Лес слился в сплошную коричневую стену. На восток, на восток!

Когда они проскочили поворот к Базе, Рустэм прибавил еще.

Рано или поздно – заканчивается все. Закончилась и пробка. Они проскочили через холм, спустились с него. Потом пронеслись через мостик какой-то речки, снова вынес-

лись на вершину холма и снова спустились с него...

И только там Рустэм затормозил, лихо перегородив машиной трассу.

– Паш! Что ты там говорил про «наконец»?

– Эм... За двойную сплошную еще никого не расстреливали!

Рустэм нервно кивнул и схватился за рычаг переключения скоростей. Немного не успел...

Интерлюдия

– Ник, я уже устала, ну сколько можно?

– Маш, помолчи, а?

– Коть, я не понимаю – мы что, не могли хотя бы поездом уехать?

– Мля... Маша! Я сейчас за твою тупизну выпиздну тебя на хер и буду прав!

– Ник! Я не понимаю!

– Я тебе третий раз объясняю! Это – война! Любые полеты – запрещены. Железка – забита напрочь войсками.

– Ну, у тебя же связи... Мог бы договориться с... Нам бы вагон дали до Москвы. Вообще, что нам там делать?

– Манюня! Ты – дура! Это шанс. Как ты не понимаешь? Это тебе не с плакатиками на Петровке стоять!

– Ну, Кит! Я, между прочим, отгул брала... Ты мне

не пришелся удар. Хорошо, что не в дверь, а в заднее крыло, иначе мог бы и не очнуться. Лежал он на чем-то твердом и почему-то трясущемся.

– Пашка, ты как?

Пашка молчал.

– Что это было? – пробормотал Макс и попытался открыть дверь, внезапно ставшую верхней. Увы. Дверь заклинило.

– Стволы доставай! – одновременно заорали вдруг Рустэм и Ольга.

Стволы были упрятаны под заднее сиденье, поэтому Макс, хотя и задергался, но не смог достать оружие. Он попытался упереться рукой, но попал ею во что-то липкое за спиной и машинально отдернул.

Ольга и Рустэм тем временем выбрались через окно, со стороны водительской двери. Затем, обежав машину, крикнули в разбитое заднее окно:

– Здесь! Вылазь! Бегом!

Рус схватил Макса за воротник куртки и стал вытягивать на дорогу.

– Цел?

Макс с недоумением посмотрел на окровавленную ладонь и пожал плечами.

Ольга тем временем обошла машину.

– Рус, он еще живой!

Макс двинулся за Командиром.

После удара Пашку выкинуло через открытое окно. Но не

полностью. Рухнувшая на бок «Нива» буквально передавила его пополам. Ноги в салоне. Все, что выше живота, – на асфальте. Он был еще жив – руки царапали асфальт, губы дрожали, а глаза были полны мутной болью.

– Макс! Помоги ему! – Рустэм протянул Максу нож. Хороший такой. С пилой и кровостоком. Рус его когда-то сам сделал.

– К-как... – не понял парень, с ужасом смотря на расплющенное тело Пашки.

– Мизерикорд¹, дурак! – прошипел Рус. – Оля! За мной! Они метнулись к багажнику перевернутой машины.

А Макс на ватных ногах подошел к Пашке. Рядом валялся разбитый ноутбук.

Пашка вдруг чуть повернул голову. И протянул скрюченную руку. Губы что-то шептали. Макс сглотнул склизкий ком, взявшийся откуда-то во рту, отчего резко затошнило, и сделал шаг назад. Споткнулся и упал.

– Да что же ты, размазня какая! Бегом! – Рустэм пнул ему между спиной и ногами, когда Макс встал на четвереньки. После этого раздался выстрел. Макс не видел, в кого стрелял Рус. Но понял. Стараясь не смотреть в сторону погибшего товарища, он, пошатываясь, пошел за Командиром.

Тот уже стоял около «Гелендвагена» вместе с Ольгой.

Здоровущий джип, непристойно задрав задницу, торчав-

¹ Мизерикорд – удар милосердия. Когда нет возможности или желания помочь тяжело раненному.

шую из кювета, парил пробитым радиатором. Из полуоткрытого тонированного окна слышались женские стоны. На крыше продолжала сверкать синяя мигалка.

Ольга рывком распахнула переднюю дверь и заглянула внутрь.

– Тут мужик какой-то, – сказала она, целясь стволом «Сайги» в трясущееся окровавленное тело.

– Вали его на хер!

– Харя у него знакомая!

– Тем более – вали!

– Может, помочь как-то? – хрипло спросил Макс.

– Не, – ответила Ольга. – Он – толстый. Хрен вытащишь.

– Сильно толстый? – поинтересовался Рустэм и заглянул в разбитое окно машины. – О! Я его знаю! Вали его! Это же...

Последние слова заглушил звук выстрела «Сайги».

– Там еще девка на заднем сиденье, – спокойно сказала Ольга, когда эхо выстрела прокатилось по лесу. – Тоже без сознания.

– Вали и ее, – жестко сказал Рустэм, роясь в бардачке.

Ольга прицелилась, но тут Рус остановил ее.

– Погоди, Оль. Дай ствол Макс. Пусть, наконец, почует кровь.

Макс оторопело взял из рук девушки карабин.

– Чего мнешься? Стреляй!

Макс замотал головой и, бросив оружие на землю, сделал шаг назад:

– Я... Я не могу! Я не буду! Я не хочу!

Рустэм мягко шагнул в его сторону. Поднял «Сайгу».

Нехорошо ощерился...

И мир внезапно исчез.

Алексей Шкодин. Финансист. Ташкент

Ташкент... В нем мы против плана застряли на пару дней. Дорога до столицы солнечного Узбекистана была спокойной. Казахстан, казалось, замер. Но впечатление это было обманчивым – проезжая мимо Байконура, мы видели активность, которой этот край не знал, наверное, с первых космических запусков. Степная ночь светилась от множества огней, и шум техники разносился на десятки километров. Видели мы это великолепие, правда, издалека, и слава Богу – встречи с украинскими гаишниками мне хватит надолго. А потом был Ташкент.

Ташкент. Даже офонарев после многодневного автопутешествия, я впечатлился красотой этого города. Старейший, пожалуй, город Средней Азии, он также был и одним из самых молодых, практически выстроенным заново после революции и жуткого землетрясения в прошлом веке и вновь обновленным после развала СССР Ирина с трудом узнавала город своего детства, а я просто таращился на непривычное сочетание вполне западных новостроек и мечетей. Еще больше меня поразило обилие зелени – я ведь подсознатель-

но ожидал, что Ташкент будет пыльным коричневатым кошмаром, наподобие разбомбленного Багдада.

Поначалу мы хотели проехать через город, останавливаясь только для пополнения запасов бензина и пищи (пока сие возможно), но встреча с родственником Иры заставила сменить планы. Вообще-то, встреча сия неувидительна, достаточно вспомнить свадьбу ее двоюродного брата, где одних родственников набралось человек сто пятьдесят. Бухарские семьи – «брутальны», и на любой заправке чуть ли не любого города планеты есть риск встретить дальнего или не совсем родича. Что с нами и произошло. Так вот, родственник ее, Слава, делал свой гешефт на Алайском рынке (и не только).

Что есть Алайский рынок? Это один из легендарных, не побоюсь этого слова, базаров Востока. Там торгуют всем, начиная от еды и заканчивая рабами (если, конечно, знать места). Рабы нам были не нужны, нас интересовал автотранспорт времен Великой Отечественной. Можно, конечно, ездить по Индии на «Тойоте РАВ 4» из двадцать первого века, но... Будет привлекать излишнее внимание. Подходящий транспорт нашелся – чуть ли не ленд-лизковский джип старой постройки, но с более современными внутренностями. Макс детально проинспектировал драндулет и аттестовал его годным под наши цели. Дело было за малым – сторговать приемлемый обмен на наш «тарантас», так как доплачивать мы могли бы только оружием, а оно нам самим нужно.

Не успел я открыть рот, как Ира вручила мне на руки

Майю и отодвинула нас с Максом в сторону. Как она торговалась... Ее еврейско-восточные бухарские корни встали в полный рост и беспощадно били продавца-узбека. Бывает же так, живешь десять лет с женой, и вдруг открывается тебе совершенно новая ее сторона... Хм, вспомнился момент из шоу «Светлячок», когда один злодей выдает цитату «проживи с человеком двадцать лет, потом отправь его на пыточный стол, и ты наконец-то встретишь его». Песец... а ведь у нас дома она никогда ни с кем не торговалась... всегда этим занимался я или тащил в помощь свою подругу. Где-то после получаса яростной словесной баталии узбек капитулировал и мы стали владельцами означенного джипа, прицепа к нему, а также приличного количества денежных средств, которые были тут же, на рынке, конвертированы в продукты, «ширпотреб» и топливо. А вечером, когда мы уже думали выдвигаться, Слава подошел к нам с интересным предложением.

– Леша, тут такое дело, завтра караван наших на Афган идет. Если постараться, можно... устроить вас туда.

– И сколько нам это будет стоить? – скептически поинтересовался я.

– Совсем немного, но охрана...

– Мы и сами охраной поработать можем, – перебил я его.

– Тогда вообще за бесценок – повезете моего человека и немного товара. Место у вас есть в прицепе. Горючка будет бесплатная на дорогу – с колонной бензовоз пойдет.

– Такой расклад устраивает. А что за караван? Дурь у душ-

манов закупать?

– Слушай, а тебе какая разница, ты идейный? – Глаза родственника неодобрительно сощурились, и в голосе прорезался легкий акцент.

– Мне лично пох. Просто, чем оттуда везти, лучше наоборот, завезти туда.

– А смысл где? У нас куда меньше опиума растет.

– Слава, какой опиум? Синтетику. ЛСД, ангельская пыль, метамфетамины. Товар малогабаритный, технологии повторить его еще лет десять-двадцать не будет. Можно хорошо подоить тех же англичан. Тем более что риск нарваться куда меньше, чем если везти дурь в СНГ – наоборот, по головке поглядят за разложение геополитического врага.

– Ну и мысли у тебя, – удивился Слава и задумался.

– Так американец же. Деловой подход плюс другая инерция мышления.

– «Американец»... – так же задумчиво повторил он.

Затем родственник распрощался с нами до следующего утра, оставив нас ночевать в недорогом мотеле близ рынка. Наутро мы перегнали наш джип к месту сбора и погрузки каравана и продолжили вчерашний разговор.

– Слушай, твоя идея таки нашла понимание. Не хочешь стать у нас более... постоянным сотрудником? – Приехали. Славик, получается, с мафией завязан, а я теперь мало того, что убийца, так еще и заочный наркоторговец. А, хрен с ним – снявши голову, по волосам не плачут.

– На правах внешнего консультанта – с удовольствием. Особенно, когда обоснуюсь в Таиланде. А «на зарплату», пожалуй, не стоит – ни мне, ни вам это не нужно.

Слава понимающе хмыкнул в ответ, и разговор перешел к делам более насущным – организации каравана, маршруту и нашей роли в нем.

**Сергеев Виталий Александрович,
Глава Тамбаровской районной
администрации, Оренбургская область**

Кто рано встает – тому Бог дает! Я даже знаю чем и куда. Всего пять утра, а сна ни в одном глазу! Вчера приехал домой перед самым комендантским часом. Умылся, поел и отрубился. А сейчас спину тянет, хоть на карачках с кровати сползай. Целый день в сидячем положении и плотный ужин без последствий не проходят! Что ж, самое время заняться своим здоровьем. А то тушку раскормил, не разведчик, а передвижная мишень для слепешарых снайперов! Захотят же суки – и то не промажут.

Встаю рывком и босой выхожу во двор. «Нас утро встречает прохладой...», туманно алеет восток... Эх, лепота. Лето. Но почва еще не совсем прогрелась, и я обегаю двор, обжигая стопы холодом перекопанной мною второго дня земли. Так, теперь наклоны, приседания, повороты... Посланная известным адресатом и загруженная по самое «нехочу»

спина отходит. Делаю очищающее дыхание, затем полное... Тепло расходуется по телу волной, даже пятки уже не чувствуют холода земли. Сколько же я зарядку не делал? Не помню. Склероз? Нет, Леня Матушка! Русский же я – пока жареный петух в попу не клюнет... Обтираю ноги, иду в дом. Душ, бритье, в общем, привычные утренние процедуры. Разбудить жену? Нет – я вчера пил. Да и не буду я теперь отъезжать из дома надолго. Ставлю электрочайник, думаю уже резать бутерброды. Стоп. Газ же должны дать. Открываю, поджигаю – горит! Что ж, одной проблемой в районе меньше!

Без пяти семь приезжает Петрович. Вот склеротик – вчера забыл его имя спросить.

– Петрович, зовут-то тебя как?

– Иваном.

– Это правильно.

Подъезжаем к администрации. Начинается новый рабочий день.

Начинаю рабочий день с разбора почты. Обычная, конечно, к 7 не успевает, но электронка от комендантского часа не зависит. Так, пакет указов об организации власти при военном положении, указы о назначениях, ссылки на порталы органов власти, ссылка на портал Штаба ОДКБ... Смотрим. Спутниковая карта! А вот интерактивная. На 4 утра московского времени. Север: наши вошли в Норвегию, взяли Киркенес. В Литве фашисты остановлены на линии Вильнюс – Каунас, в Калининградской области в районе Мамонова и Гу-

сева. В Белоруссии держится Гродно, но Десятая армия РККА отрезана объединившимися в районе Волковыска частями Восьмого и Сорок седьмого армейских корпусов Вермахта. Далее до Украины слоеный пирог, группировки немцев под Березой и Ружанами окружены, то же с наступавшими вчера немецкими частями у Шепетовки, освобождено Ровно, наши войска продвинулись под Тарнополь, наши Черновцы, в Закарпатье Ужгород под венграми, а Мукачево и Карпаты держат русины. Не сдались, как галичане! Держитесь, братки, русские уже близко! В Молдавии почти без изменений, но между румынами и украинскими войсками явный разрыв. Антонеску отвел войска до границ Приднестровья и Украины? Так, Дальний Восток. Без изменений, отмечены только линии соприкосновения под Хабаровском, Благовещенском, Ханко и Забайкальском, красная полоса в районе Южных Курил. Похоже, продвижение фашистов остановлено. Впрочем, у них не было шансов.

Заходят назначенные мною замы, заслушиваю доклады, в 7.30 начинаю общую планерку. Еще дня три потребуется на инвентаризацию дел и осмысление – как раз к 1 июля и успеем. К июлю – уже свыкаюсь с датами переноса. Какой, кстати, сейчас, день недели? Среда или пятница? Надо уточнить в области. Ладно, администрация – надо будет, и в воскресенье поработает, а школы когда на каникулы отпускать?

С хлебом на самом пределе, но вроде райцентр закрыли. Хлебозавод пустим не раньше понедельника – санитарные

нормы ускориться не позволяют. В восемь общеобластной видеоселектор. Есть что шефу доложить.

Видеосовещание прошло по вчерашнему сценарию. Только без федеральной части. За прошедшие сутки обладминистрация была крепко перетряхнута. Ушли видных едров: бывшего второго зама Ефимова, министра сельского хозяйства Соловченко. Впрочем, сменившие их были тоже из «ЕДРА». Вторым замом – руководителем аппарата Валерий Анатольевич поставил своего зама по Бузулуку Фогеля. Место первого зама занял возглавлявший до выборов Оренбургский район Палычев, его место зама по военно-патриотической работе и казачеству досталось моему старому приятелю – Сергею Головину, председателю Областной организации Российского Союза Молодежи. Минсельхоз возглавил бывший глава Адамовского района – Тейхриб. Шеф явно устраняет своих противников от реальной власти, при этом баланс между представителями востока, запада и центра области сохраняется. Похоже, и запрета на профессии для немцев не будет. Информация о назначении Юрия Берта спецпредставителем Президента России по Эстонии (именно «ПО Эстонии»!) только подтверждает это. Что ж, и мне с первым замом колебаться нечего.

Отчитался хорошо, орчане обещали в течение недели поддержать хлебом. В четверг, то есть завтра, к часу глав районов пригласили на расширенное Правительство области в Оренбург. В пятницу в Оренбурге будут собирать руководи-

телей сельхозотделов. Вот, собственно, и разрешился казус с днями недели, при этом даты в документах указано ставить двойные. На вопросы по каникулам областной минобраз высказал рекомендацию учиться до пятницы, двадцать седьмого июня, а там распустить детей на каникулы до особого распоряжения.

До обеда я изучал документы по своей компетенции. Законодательство за последние дни сильно изменилось. Хроноперенос – та еще коллизия! Как теперь быть с международными договорами? Что делать с советскими гражданами из сорок первого? Где-то я об этом писал на форуме. Поищу на досуге. В одиннадцать пришли силовики. Представитель ФСБ вручил мне удостоверение Главы районной администрации и подлинник Указа губернатора о моем назначении и присвоении классного чина. Симптоматично. Впрочем, после вручения корочек разговор с господами офицерами пошел быстрее. Военные твердо усваивают субординацию, а выше меня, Советника государственной гражданской службы первого класса, был только полковник Максимов от комендатуры РВСН.

Перед обедом спустился вниз, в буфете купил буханку хлеба. Утром сам ограничил выдачу хлеба в одни руки. Мера вынужденная. Обедать поехал домой. Сын сегодня был в садике. И у меня было полчаса на общение с мамой. Страх перед войной у нее сменила радость за меня, но оба этих сильных чувства сжигали ее здоровье. Решили, что в поне-

дельник она ляжет в больницу.

Вторую половину дня я объезжал район. Говорил с людьми, знакомился с руководителями предприятий, осматривал хозяйства, магазины, школы. Шок первых дней прошел, патриотический порыв стал спадать, и бытовые проблемы снова начинали волновать сельских обывателей. Вечером записал на местном ТВ телеобращение: кадровые перестановки в районе и ситуация с хлебом давно требовали разъяснений. В девять вернулся домой. И после ужина засел за поиски своих максимум по хроноинверсионному праву. На форуме ничего не нашел – по-видимому, хроноклазм – «вихрь времен» уничтожил-таки часть архивов на «В Вихре времен». Откопал часть черновиков в компе, скинул их на флешку и лег спать. Утром в 6 мне уже выезжать в область.

Утром я уже по привычке встал с первыми лучами летнего солнца. Повторив вчерашние экзекуции, я позавтракал, надел поглаженный и почищенный с вечера мамой вицмундир, поцеловал маму и спавших еще жену с сыном, и вышел к калитке. Иван уже ждал меня у машины. Это была не «внутрирайонная» «Шнива», а представительская седьмая «бэха» – BMW 750! Да, умел Шульц машины подбирать. При дотационном-то бюджете! Впрочем, теперь таких долго будет не купить.

В салоне было комфортно, удобное кожаное кресло, климат-контроль, мягкая музыка невольно расслабляли, отвлекая от тревожных и суетных мыслей последних дней. Сотку

до орского поста ДПС пролетели минут за сорок. Внутрирайонные посты нас не остановили, на орском притормозили, но, увидев спецпропуск на лобовом стекле и номера с тремя буквами «О», постовой козырнул и пропустил нас. Пошли через Орск, объездная в последние дни была забита военными и полувоенными грузами, а движение в городе еще и не проснулось. На выходе из города нас снова притормозили, потом, уже на «гайском» посту, остановили, но ограничились проверкой документов водителя – «трехяйцовые номера» по-прежнему оставались по области тарханной грамотой. Интересно, а в столицах все так же борзуют с мигалками?

Разбуженную внезапным летом степь за окном сменили зеленеющие уже горы с голыми перелесками. В паре мест в поле уже работали трактора, встречались и рыбаки, спешащие поудить после комендантского часа. Поток машин практически не отличался от довоенного, только постов на дорогах стало вдвое больше да камуфлированный транспорт попадался пусть не часто, но регулярно. До Оренбурга дошли за четыре часа, еще полчаса потеряли на КПП у въезда в город. Он встретил нас обычной суетой: снующими «газелями», открытыми магазинами, спешащими по своим делам горожанами... Только рекламные щиты кое-где зияли кляксами и подпалинами: «Das Auto» и «ELENBERG» явно поменяли свой вектор популярности...

К областной администрации мы прибыли за час до нача-

ла, проезд по периметру был для граждан закрыт, нас дважды проверили, прежде чем пустить на стоянку. У входа стоял вооруженный караул, за ним пост и еще один пост уже внутри здания. По-моему, власть слишком опасалась за собственную безопасность.

Ближайший час прошел в рукопожатиях и беседах. Пятуую часть собравшихся я, так или иначе, «вел» на выборах. С кем-то учился, кого-то знал по партийной линии, но с большинством был знаком заочно. За этот час заочное знакомство успело стать очным.

Без пяти двенадцать Губернатор, его замы и командующий Оренбургской ракетной армией заняли свои места в президиуме. Мы заняли свои места в зале, согласно расставленным табличкам.

Эмигрант Петр Михайлов. Берлин

Берлин встретил меня неприветливо и хмуро. За два года войны он не изменился так, как за эти три дня. На улицах практически не было автомобилей, люди ехали на велосипедах или шли пешком, толкая впереди себя маленькие тележки. Те, у кого не было тележек, несли мешки за спиной или ведра.

Прохожие, а в основном это были женщины, медленно шли по тротуарам. При виде нашей машины они останавливались и пустым, безвольным взглядом провожали ее. У ла-

вок с заколоченными досками витринами выстроились длинные очереди. Стекла на уцелевших окнах были заклеены крест-накрест полосками бумаги, но многие окна белели свежими фанерными щитами. Проезжая по городу, я не заметил ни одного трамвая, автобусов тоже не было видно.

Перед закрытым магазином одинокий дворник подметал тротуар. Это был жалкий осколок прежней жизни, которая рухнула три дня назад.

Я попросил остановить машину рядом с кафе «Рейман». Взял свой чемодан и зашел в знакомое мне уютное помещение. Признаки войны появились и здесь. Стекла были заклеены бумагой, а вместо электрических горели керосиновые лампы. Посетители быстро подымали глаза на вошедшего и снова утыкались в маленькие ротапринтные листки. Так вот как выглядит «Панцер Бэр», объединенная берлинская газета, которую Геббельс стал печатать после отключения электричества во всех городских типографиях. Я огляделся в поисках знакомых и увидел Курта Вагнера из «Берлинер тагер-блатт», тщетно укрывавшегося от моего взгляда «бронемедведем». Усевшись рядом с ним за столик, я спросил:

– С каких пор я стал таким страшным?

– С утра понедельника, когда тебя весь день разыскивало гестапо, а вчера было официально сообщено, что претензий к тебе нет.

– Да не смотри ты на меня так, под шляпой у меня нет рогов, – обратился я к репортеру. – Всего два дня за городом,

и я не узнаю Берлина, что произошло?

– Война с русскими, – хмуро ответил Курт.

– А что случилось, ведь войска наступают. Взят Вильно, Клейст приближается к Киеву.

– Да, фантастическое наступление! Наши доблестные солдаты отбросили превосходящего противника и под напором большевистских орд заняли оборону под Хайлигенбейлем. На второй день войны большевики захватили треть Восточной Пруссии.

Ты думаешь, я дурак, и не понимаю, куда делись все автобусы? – горячился он. – Их забрали, чтобы переправить подкрепления.

Похоже, населению так и не сообщили, с кем воюет Рейх.

К нашему столику подошел кельнер: – Вы будете заказывать кофе?

– Да, со сливками, пожалуйста.

– Сливки кончились вчера.

– Тогда две чашки, – удивленно ответил я.

Мой товарищ с видимым интересом наблюдал за мной.

– С вас двадцать пять рейхсмарок, – произнес кельнер.

– Сколько?

– А что вы удивляетесь, электричества и воды нет со вчерашнего дня, газ исчез сегодня утром. Мы топим углем, а воду приносят из Шпрее.

– Тогда одну чашку. – Я вытащил из кармана купюру в двадцать рейхсмарок.

Похоже, подарок обергруппенфюрера был не таким уж и щедрым, как я думал.

Курт продолжил:

– Вот еще один признак войны – дороговизна и нехватка продуктов. Когда русские стали бомбить железную дорогу, в город резко сократилось поступление продуктов, по карточкам хлеб дают только за вчерашний день, да и то не везде. Проклятый Ганс Майер клялся, что ни одна бомба не упадет на Рейх, и где он сейчас?

Эти проклятые русские самолеты, они постоянно летают над головой, днем и ночью, они грохочут так, что стекла вылетают из оконных рам. Я не могу спать от этого грохота и воя сирен воздушной тревоги.

А бомбардировки? Они прилетают после полуночи и после обеда, но всегда в разное время, варвары. Когда русские разбомбили все правительственные учреждения, они взялись за подземку. Сейчас самое удобное средство передвижения по Берлину – велосипед.

Принесли на удивление вкусный кофе, и я почти смирился с нытьем Вагнера.

– Послушай, – снова обратился он ко мне, – у тебя нет знакомых в генштабе? Мой брат служил у Манштейна, и я ничего не могу узнать о нем. Слушал списки погибших и плененных, но там нет никого из четвертой танковой группы.

– Ты слушаешь запрещенное русское радио?

– Нет, но списки начали повторять по Радио Ватикана и

из Стокгольма.

Вагнер был неплохим человеком, и я решил помочь ему.

– Курт, – обратился я к нему шепотом. – Только между нами, их больше нет.

В его глазах отразился ужас:

– Как нет?

– Они все исчезли, кроме нескольких тыловых частей. Скоро об этом объявят, и ты все узнаешь.

Курт мгновенно постарел на несколько лет. Он встал и, не прощаясь, пошел к выходу.

Я уже допивал кофе, раздумывая, как обрадуется фрау Марта моему возвращению, когда в кафе зашла Урсула фон Кардоф.

– Бог мой, Петр, с вами все в порядке? – взволнованно спросила она.

– Со мной все в порядке, чего нельзя сказать о ценах в этом кафе, – с улыбкой ответил я и пригласил даму к себе за столик.

– Когда сообщили, что гестапо ищет тебя, я хотела убить Мисси, но вчера все успокоилось, оказалось, что это была ошибка. Ты знаешь, та вечеринка просто прогремела по всему Берлину. Петр, почему ты раньше не говорил о том, что пишешь стихи?

– Это не мои стихи, я просто посредственно спел чужую песню, – ответил я.

– Что случилось с Вагнером? – спросила Урсула. – Я еще

никогда не видела его таким подавленным.

– Я ему сказал, что его брата больше нет, – ответил я.

В глазах Урсулы загорелся хищный огонек профессионального репортера:

– Ты что-то знаешь о том, что произошло в Восточной Пруссии?

– Мне нельзя здесь говорить об этом, но у меня дома я смогу тебе кое-что рассказать, – с улыбкой произнес я.

– Вы наконец-то приглашаете меня к себе? – улыбнулась в ответ она. – Квартиры молодых холостяков очень опасны для порядочных девушек, но я готова рискнуть.

– О, вам нечего бояться, хозяйка моего пансиона фрау Марта как часовой стережет мою нравственность.

Мы шли по Берлину, и я слушал, как Урсула рассказывала последние новости.

– Ты просто не представляешь, как трудно жить в городе, когда нет воды и газа.

Полицейские и гестаповцы сбились с ног, пытаясь следить за ценами в лавках и магазинах, но у них это получается очень плохо. Люди боятся повторения ужасов восемнадцатого года. Вчера выступал Геббельс, он обещал, что голода не будет, а за повышение цен торговцев будут расстреливать, но ему, как и Герингу, уже никто не верит.

Сообщения с фронта в сводках очень туманны, сплошные истории про фельдфебелей, гранатами уничтоживших пару русских танков, было еще про подвиг пулеметчика, сбивше-

го русский самолет, а про люфтваффе ни слова.

Вчера сообщили про гибель «Принца Ойгена» в неравном бою с большевистской эскадрой, но ведь у комиссаров только два устаревших линкора?

Мы подошли к дому, где я снимал комнату.

– Одну минуту, – сказал я своей спутнице и зашел в дом.

Фрау Марта с ужасом и удивлением смотрела на меня.

– Я надеюсь, вы прибрались в моей комнате?

– Д-да, но я не ждала вас так скоро, – заикаясь, произнесла хозяйка.

– Госпожа Коль, мне пришлось отбыть на два дня по служебной необходимости, прошу вычесть их из оплаты за пансион. – Я сунул хозяйке под нос удостоверение СД.

Лицо фрау Марты посуровело, она поднялась со стула:

– Слушаю ваших указаний, господин штурмбаннфюрер.

Я не ожидал такой реакции, забыв, что покойный муж хозяйки работал чиновником полиции.

– Приготовьте мне хороший ужин, – сказал я, доставая из чемодана продукты, купленные в Боргсдорфе, – и, пожалуйста, не беспокойте меня.

Я вышел на улицу и предложил Урсуле пройти в мою комнату.

– Что ты сказал этой старушке? – поднимаясь по лестнице, спросила она.

– Рассказал о своем новом месте работы, – ухмыльнулся я.

Наверное, слова «А у тебя здесь очень мило» миллионы

раз звучали из уст девушек, пришедших в гости к молодым мужчинам, и слышать это от Урсулы мне было очень приятно.

– Почему ты раньше был со мной таким холодным и надменным?

– Я очень стеснялся и боялся показать, что вы мне нравитесь, – смущаясь, ответил я.

Хозяйка не успела упаковать мои вещи, но прибралась на славу.

Шнапса, как и бутылки из-под него, не было, однако запас вкуснятины не ограничился выложенными фрау Марте продуктами. Я начал, как иллюзионист из шляпы, вытаскивать из чемодана деликатесы под восторженные аплодисменты Урсулы.

Когда представление закончилось, она спросила меня, удивленно глядя на гору продуктов:

– Петр, откуда у тебя все эти продукты?

– Урсула, все, что я тебе скажу сейчас, должно остаться в тайне, – сказал я, открывая бутылку неизвестного мне французского вина. – Ты не должна говорить о том, что услышишь, неделю, потом все эти тайны перестанут иметь какое-либо значение.

Я налил вино в фужер и передал Урсуле: – Выпей.

Она взяла вино и, внимательно глядя на меня, начала пить.

Я налил себе и продолжил разговор:

– За то, что я тебе сейчас расскажу, меня не будут расстреливать, меня упекут в сумасшедший дом, но это правда. Когда 22 июня без предупреждения напали на Советский Союз, произошло нечто невероятное. Я не знаю, делом чьих рук, Господа или Люцифера, было свершившееся событие, но современная наука не в состоянии объяснить происшедшее. Я даже могу с уверенностью сказать, что и через семьдесят лет ученым не будет ничего известно. В три часа ночи на место, которое занимали Советы, переместилась территория из будущего, вместе с людьми, городами и даже аэропланами. Часть этой территории появилась на месте Кёнигсберга, а все, кто там был до перемещения, исчезли. Гитлер крепко вляпался с этой войной.

– Как из будущего, из нашего будущего? – удивленно раскрыв глаза, спросила Урсула.

– Да, конкретно из 2010 года, – ответил я.

– И какое оно, это будущее?

– Нормальное будущее, много супероружия, аэропланы над Берлином ты уже видела, есть танки, одним выстрелом пробивающие четыре немецких насквозь, а еще они побывали на Луне. Все германские войска на Восточном фронте воюют с пограничными и полицейскими частями, Федеральная Россия только начала мобилизацию армии.

– Они побывали на Луне, – как зачарованная, повторила Урсула.

Она сразу поверила моим словам.

– А чем закончилась война? – Профессиональное любопытство не оставляло ее.

– Тем же, чем закончится и сейчас, русские победят.

– Петр, а откуда ты все это знаешь?

– Ты помнишь Оскара Штайна, рапириста из Берлинского студенческого общества?

– Да, но ведь он сейчас служит в гестапо.

– Нет, он служит в СД, у Гейдриха. – Я рассказал ей об утреннем визите Штайна и работе с радиоперехватом.

Урсула внимательно рассматривала мое удостоверение штурмбаннфюрера.

– Никогда бы не подумала, что буду пить вино в компании с майором СС.

– Ты должна уехать из Берлина на месяц, – после некоторого раздумья сказал я.

– Почему?

– Когда войска Федеральной России подойдут к Берлину, тут могут начаться ожесточенные бои, гражданским будет очень плохо. Я видел, чем закончился штурм города в сорок пятом, тогда от Берлина остались только обугленные развалины. Гитлер знает о переносе и своей судьбе. В первый раз он отравился, сейчас он решил взять с собой в могилу весь немецкий народ.

– Но я не могу бросить своего отца.

– Попроси в газете командировку, ведь тебе не откажут. Связи в Шведском посольстве у тебя есть, так что проблем с

визой у тебя с отцом не будет. – Я вытащил из конверта десяток купюр: – Здесь тысяча долларов, на два месяца должно хватить.

– А как же ты?

– За меня не беспокойся, я выкручусь, а теперь тебе срочно надо идти в редакцию.

– Петр, мы никогда больше не увидимся? – в уголках ее глаз появились слезы.

– Урсула, мы обязательно с тобой встретимся, после войны. Я обещаю! – Я обнял ее и поцеловал, она ответила мне.

Через пять минут я стоял у окна и смотрел на удаляющуюся фигурку Урсулы.

Все во мне протестовало против ее ухода, мне хотелось быть с ней, наплевав на Гейдриха, Рейх и таинственную Федеральную Россию, но я не мог этого позволить.

Машина ждала меня точно в назначенном месте. Из автомобиля вышел лейтенант и открыл мне заднюю дверцу. Я сел рядом с худощавым седым оберстом, на мое приветствие он холодно кивнул. Мы ехали молча всю дорогу, но когда машина остановилась, оберст повернулся ко мне и заговорил:

– Я был против этой встречи, однако Людвиг попросил меня, и я не мог ему отказать.

Мы вышли во дворик небольшой усадьбы, и я в сопровождении оберста поднялся в дом. В гостиной меня ждал сухощавый генерал.

– Добрый день, господин Бек.

– Добрый день, – поздоровался со мной генерал-полковник. – Спасибо, Карл, не буду тебя больше задерживать.

Оберст отдал честь и вышел.

– Итак, господин Михайлов, о чем вы хотели со мной побеседовать?

– Господин Бек, Гитлер не предлагал вам возглавить генеральный штаб?

– Мне? Никогда. Хотя то, с какой скоростью гибнут его штабисты, наводит на невеселые мысли.

– Один аналитик СД предположил, что русские находят штабы, пеленгуя золотое шитье в генеральских погонах. После того как его доклад попал наверх, его самого лишили погон, – пошутил я.

– Возможно, в этом что-то есть, – серьезно ответил Бек. – Русские меня просто поразили.

– Тут нечему удивляться, все-таки техника двадцать первого века, – сказал я.

– Значит, все эти фантастические слухи правдивы?

– Да, Германия напала на Федеративную Россию из двадцать первого века. Генерал, проблема в том, что они знают все, что происходило в их истории, знают про ваши контакты с Остером, Ольбрехтом и профессором Йессеном. Сейчас в России республика, у коммунистов десять процентов в парламенте, а у власти очень популярный премьер левоконсервативных взглядов.

– Что вы хотите от меня? – сухо спросил собеседник.

– Я хочу знать, что предпримет армия в ситуации, заметьте, абсолютно гипотетической ситуации, когда исчезнет правительство Рейха.

Генерал задумался, подошел к горевшему камину, постоял и начал отвечать: – В данной гипотетической ситуации армия могла бы прислушаться к авторитетному лицу и поддержать вновь организованное правительство, созданное здоровыми силами Германии.

Но я никогда не пойду против интересов Германии и ее армии, ведь русские требуют полной и безоговорочной капитуляции.

– Знаете, генерал, не все так плохо, как кажется. В другом прошлом Германия полностью капитулировала, но страна сохранилась, хотя Вермахт убил около тридцати миллионов русских, украинцев и белорусов.

– Сколько миллионов? – ошарашенно спросил Бек.

– Война длилась еще четыре года, погибло десять миллионов немцев, американцы разбомбили все города, и девятого мая подписан акт о безоговорочной капитуляции.

Гитлер уже знает об этом, он решил подстраховаться. Вам известно о приказе расстреливать военнопленных?

Бек молча смотрел на языки пламени в камине.

– Господин генерал-полковник, как я могу связаться с вами?

Он взял с каминной полки ручку и на листе бумаги написал номер.

– Позвоните по этому номеру и спросите господина Штрайбаха.

Через минуту смятый листок полетел в камин.

Прощаясь со мной, генерал был гораздо более приветлив, чем при встрече.

Лейтенант ждал меня в машине. Я открыл дверцу и сел рядом с ним.

– Вы не могли бы подвезти меня к главному филиалу Дрезднербанка? – спросил я.

Лейтенант кивнул и завел машину.

Мне порядком надоела эта конспирация, затеянная Гейдрихом. Я прекрасно понял, что мне он отвел роль живца, на которого будут клевать все недовольные режимом. При малейшей опасности он меня сдаст, но сейчас я ему был очень нужен.

Операционный зал банка был практически пустым, после начала войны с Россией финансовая жизнь Берлина практически замерла. Я подошел к клерку, сидящему за столом в дальнем конце зала.

– Могу я узнать о состоянии счета две тысячи десять? – произнес я.

– Одну минуту, – он посмотрел в свои бумаги, – вам нужно в кабинет двести двадцать, я провожу вас.

Мы вышли через неприметную дверь из операционного зала и по узким лестницам стали подниматься наверх. Двести двадцатый кабинет оказался на пятом этаже. В ка-

бинете за столом сидели трое солидных пожилых мужчин. Они смотрели на меня недоверчиво-презрительным взглядом профессиональных банкиров.

Самый старший из них начал беседу.

– Встретиться с вами нас попросил один очень уважаемый нами господин, и только из уважения к нему мы будем вас слушать.

Начало было очень многообещающим.

– Господа, мне известно, что вам известны проблемы, с которыми столкнулся Рейх, начав войну против Советской России, – произнес я.

Банкиры озабоченно переглянулись.

Я продолжал:

– Все перспективы получения доходов от войны для финансовых и промышленных групп рухнули, когда выяснилось, кто в действительности противостоит Рейху.

– Господин Михайлов, вы ошибаетесь, наша армия наступает в Белоруссии и на Украине, а что до Восточной Пруссии, – он пожал плечами, – это слаборазвитый аграрный район, потеря которого совершенно не влияет на экономику Рейха.

– Нет, это вы ошибаетесь, спрятав головы в бумаги, как страусы в песок. После начала войны железнодорожные перевозки упали на две трети, Рур залит водой и обесточен, в Верхней Силезии большинство шахт остановлено, а с тех, что работают, не могут вывезти уголь.

Собеседники слушали меня, не перебивая.

Я продолжил:

– Потеряны шведская и норвежская руда, румынская нефть, а к сегодняшнему дню в стране не осталось ни одного крупного завода по производству синтетического горючего. Есть большая вероятность, что швейцарские банки закроют германские счета, в Швеции уже закрыты все счета в рейхсмарках.

– Хорошо, ваша информация только дополняет известную нам картину, но что вы хотите от нас? – спросил старый банкир.

– Ничего, меня только попросили обрисовать текущую картину, – ответил я. – Единственное, что хочу добавить, в Федеральной России есть много банков и промышленных групп, имевших тесные и взаимовыгодные связи с немецкими концернами и банками.

Из финансового лабиринта меня выведет все тот же клерк. Приближался вечер, и я спешил домой, чтобы успеть поужинать до того, как за мной придет автомобиль.

Вспоминая выступление перед банкирами, я сам удивлялся своему красноречию. Данные по экономике мне передали из экономического отдела СД, как и сам текст. Разведка поработала на славу, информация о счетах в Швеции была новостью для банкиров.

Какой я молодец, что дал Урсуле не рейхсмарки, а доллары.

Так я шел домой, мысленно поглаживая себя по голове за хорошо выполненную работу.

Подойдя к дому, я понял, что не попробую ужин, приготовленный для меня фрау Мартой.

Рядом с автомобилем стоял Оскар и нервно поглядывал на часы.

– Быстрее, Петр, нам срочно нужно быть в Богсдорфе.

– Что случилось? – уже в машине спросил я.

– У нас нет самолета, – прорычал Штайн. – Толстозадая душка Геринг не придумал ничего лучше, чем собрать все, что летает, и послать бомбить Кёнигсберг. Он хотел оправдаться перед Фюрером за «Вольфшанце» и Рейхсканцелярию. Русские сбили все, что послал на них этот урод, а вечером начали утюжить все аэродромы на северо-востоке Рейха. У нас больше нет люфтваффе.

Не отрываясь от управления автомобилем, он вытащил сигарету и закурил.

– Планы меняются, Шелленберг приказал возвращаться в Боргсдорф.

Мне стало очень неуютно на мягком сиденье, за спиной отчетливо ощущалась старуха в черном плаще, с косой.

Увидев мое состояние, Оскар улыбнулся:

– Не бойся, операцию не отменяют.

Я слишком глубоко вляпался, чтобы попытаться выйти из игры. Мне надо было попросить Оскара вывезти меня из Берлина, но, возможно, и это предложение было ловушкой,

ведь он был не один. Ну и ладно, пускай все идет, как идет, я откинулся на сиденье и задремал.

В кабинете Шелленберга нас ждал Гейдрих

– Господа, – начал он. – Ваш вылет назначен на час ночи, сейчас вы получите мои письменные инструкции. После прочтения их необходимо уничтожить. К полуночи вы должны быть полностью готовы.

Я и Штайн получили плотные бумажные конверты и прошли в отведенные для нас кабинеты.

В инструкции Гейдрих повторял все то, о чем он мне говорил день назад.

В кабинет вошел Шелленберг, он выхватил из моих рук бумагу, на обратной стороне написал пару строк заранее приготовленной ручкой. Он повернул листок так, чтобы я прочитал: «Согласен на все при гарантии сохранения жизни и свободы».

Затем Шелленберг скомкал бумагу, и, бросив ее в пепельницу, поджег. Когда огонь потух, он тщательно растер пепел и произнес, глядя на меня:

– Михайлов, вы должны понимать всю сложность нашего положения, поэтому вам необходимо в точности исполнить все полученные инструкции. Для гарантии вам и Оскару будут переданы контейнеры с микропленкой для последующей передачи соответствующим органам в Москве, при малейшей вероятности попадания контейнера в немецкие руки он должен быть уничтожен. В нем доказательства искренности

намерений обергруппенфюрера.

К полуночи я выглядел как настоящий турист: замшевый пиджак, джемпер, широкие брюки с гольфами на выпуск и ботинки на широкой подошве, ансамбль венчала клетчатая кепка. Рядом стоял Штайн точно в таком же наряде.

– Господа, пилоту вы можете доверять, он доставит вас по месту назначения, – сказал Шелленберг и передал нам контейнеры, больше похожие на крупные портсигары. К моему контейнеру пластырем была прилеплена маленькая коробочка.

Самолет уже ждал нас, это был выкрашенный в черный цвет «Шторьх». Летчик поздоровался с нами, и мы влезли в тесную кабину. Мотор завелся сразу, и мы после небольшой тряски взлетели.

Санкт-Петербург. Сержант Александр Любцов

Питер встретил нас нормально – бардак уже начал упорядочиваться, а потому на взлетном поле мы сидели от силы часа полтора, пока высокое начальство решало, что с нами делать. Мы были не в обиде – слушали большую новостную программу имени тандема об обстановке на фронтах.

Японцы своего посла слушать не стали – ну кто бы сомневался, ага – а потому останавливать наступление и не подумали. И сейчас веселье в районе Хабаровска стоит такое, что мама не горюй. Если внимательно подумать над недоговор-

ками, наверху уже на полном серьезе рассматривали необходимость профилактического применения ядерных аргументов. Хотя это вряд ли. Скорее всего, закончится чем-то вроде Халхин-Гола – разве что масштабы побольше. Учитывая, что китайские погранцы перед своим интернированием успели навешать Императорской Армии люлей – запала у самураев надолго не хватит. Да и «папы» у нас наверняка еще есть.

На западе Вермахт окончательно встал. Судя по всему, в их войсках начала с пожарной скоростью распространяться эпидемия гриппа. Плюс переброшенные на помощь белорусам войска вступили в бой.

Видимо, для поднятия настроения и морального духа населения по радио даже допрос какого-то пленного прокрутили, одного из выживших после применения «Смерчей» в районе Гродно. Молодой парень (что было отлично слышно по голосу) едва ли не заикался.

Неудивительно. Говорят, после «катюш» люди с ума сошли, а тут...

– Санек! Сча комроты подтянется, он транспорт выбил.

– Ништяки. Только это, Леш, я сейчас уже не Санек, а товарищ сержант, помнишь?

– Так точно, товарищ сержант!

Интересно, что это будет. «Шишига» или что-нибудь вроде... «Газели», мать ее за ногу. Офигеть. «Рота едет на „Газелях“, роте теперь по фигу». Мда. Надеюсь, что хоть к фронту мы не на этом попрем.

– Любцов!

– Товарищ капитан! – вытягиваюсь в струнку. Надо же, не забыл еще.

– Чего так на транспорт смотришь? – комроты у нас мужик нормальный, успел я это понять за недолгие часы полета и ожидания. Тем более что кроме него офицеров больше не было. Было семь сержантов и один бывший прапорщик. Ничего, прорвемся.

– Да вот, товарищ капитан, надеюсь, что не придется на этом к месту боевых действий ехать.

– Не бойсь, сержант, это только до складов. Там оружие выдадут, бэтээры и даже БМП. Просто не ждали нас так скоро, вот там и выписывают теперь кучу бумажек. А не пешкодралом же вам через весь город переть.

– Понял, товарищ капитан.

Пока десяток маршруток с бывшими-будущими солдатами внутри ехал к месту получения оружия, попытался посмотреть город. Ясное дело, ничего особого из окна не увидишь, но то, что здесь война уже чувствуется, было очевидно. И в лицах людей, и в блокпостах, и в многочисленных патрулях...

– Сделай погромче, давай-давай, – чей-то голос отвлек меня от грустных размышлений.

– ... вступление союзных войск на территорию Гитлеровской Германии ожидается в течение двух-трех дней. К огромному сожалению, мы вынуждены констатировать, что

фашистские войска ведут себя на захваченных территориях ничуть не лучше, чем в прошлый раз. Большие жертвы среди мирного населения вынуждают нас действовать быстро и решительно. К сожалению, выдвинутый Российским руководством ультиматум был отвергнут. Это не оставляет другого выбора, кроме как нанесения масштабных авиа- и ракетных ударов по объектам военной промышленности и инфраструктуры Германии. Для этих ударов будут задействованы силы стратегической авиации ВВС РФ.

Представитель Генерального Штаба России Анатолий Ноговицын заявил, что использование РВСН не исключается.

– Народ, вылезай, приехали.

Что ж, хотят немцы того или нет, но им придется остановиться.

Калининградская область. Алексей Кулагин, заместитель командира роты

Весь день 25 июня (теперь придется привыкать к этому календарю) над городом было спокойно. В переданной по телевидению сводке сообщалось о результатах ответного удара. Были показаны и документальные кадры – с высоты было видно, как на земле что-то горит и взрывается. Но особенно эффектно смотрелись кадры пуска корабельных ракет, и вслед за ними – большие клубы дыма над Данцигским портом. Противопоставить современным реактивным само-

летам и самонаводящимся ракетам наших ВВС люфтваффе было нечего. А кригсмарине ничего не смогло поделаться с ракетным ударом Балтийского флота по кораблям и портовым сооружениям. Так что, независимо от того, насколько прихвастнули в сводке, врезали фрицам, должно быть, изрядно.

Из той же сводки стало известно, что накануне ночью люфты пытались устроить символический налет на Балтийск всего несколькими тяжелыми истребителями Me-110, но там им тоже не повезло. Несколько бомб они все же сумели сбросить где-то в районе поселка на оконечности Балтийской косы, прежде чем все были сбиты, но ни город, ни порт, ни корабли Балтфлота повреждений не имели.

Передавали по программе новостей и официальные сообщения пресс-службы Министерства обороны. Толком понять было мало что возможно. Но, во всяком случае, далее 70-100 километров от границы фрицы не прошли. Каунас не взят, соединения из группы Гота, успевшие с ходу проскочить в Вильнюс, находятся под угрозой полного окружения. Установлено боевое взаимодействие с частями РККА, сражающимися в Белостокском выступе (надо так понимать, организовали коридоры для отступающих...), а соединения Вооруженных сил Республики Беларусь в районе Полесья вклинились в оборону Вермахта на сорок километров. Украинцы тоже вроде не драпают, а крепко дерутся у границы, хотя и отошли немного.

Сообщалось и о зверствах фашистов на временно окку-

пированной территории. Расстрелы, грабежи, изнасилования... Гадский папа! Давить их надо! А я тут валяюсь!

Вспоминал я и про нашу «партизанскую» роту. Как они там поживают? И выяснить негде и не у кого. Однако... Я вспомнил, что обменялся номерами мобильных со своим комвзвода, и решил проверить – а вдруг дозвонюсь? Облом-с. «Вне зоны приема». Ну да, они же проскочили километров на пятнадцать-двадцать от ближайшей антенны сотовой связи, и еще не факт, что эта ближайшая антенна уцелела после боев у Мамоново.

А после ужина, отдохнув хорошенько, я первый раз встал. И в голову отдавало, и подташнивало, но, героически держась за стенку, я доплелся кое-как до туалета. Блин! За сутки уже достало уткой пользоваться! Наши там фрицев на капусту шинкуют, жизни кладут – и за меня, между прочим! – а я тут без толку больничное белье протираю. Обидно! Если бы сам хоть одного успел завалить, а так...

Я уже собирался заснуть, как мой мобильник вдруг ожил. Тюрин! Сам дозвонился, чертушка! Вот надо же, всего два дня, как знаком с человеком, а разволновался при звуках его голоса, как будто меня девушка на первое свидание пригласила. Комвзвода первым делом поинтересовался самочувствием раненых.

– Ну со мной практически все в порядке. Ночь еще здесь переночую и буду проситься на выписку, – сообщил ему я. – А вот с Васей Турчаниновым сложнее. Хотя он чувствует се-

бя явно лучше, чем я, но вряд ли его отсюда выпустят, пока рана на руке не затянется. Вы-то там как? – в свою очередь поинтересовался я.

– Отлично! – отозвался Тюрин. – Шороху мы на фрицев вчера навели! В городках, что мы проскакивали, – форменная паника. На наших глазах «миги» аэродром под Эльблонгом расковыряли. Дым стоял столбом! Над портом тоже зарево было впечатляющее, когда его с залива катера ракетами накрыли. Эх, нам бы еще силенок чуть-чуть, мы бы не только Эльблонг заняли, мы бы до самого Гданьска дошли!

– Эй, чего это вы там размахались? На мою долю что-нибудь оставьте! – шутливо осадил я его. – А если серьезно, то зарываться не стоит. Если переть на рожон, то фрицы и с одними маузеровскими карабинами могут немало крови попортить.

Засыпал я с твердым намерением завтра – кровь из носу! – воссоединиться со своими «партизанами».

Майор Анатолий Логунов, начальник технического отряда

Утро проходит без сюрпризов. Постепенно готовим технику, я еще успеваю зайти в штаб и по телефону связаться с женой. Слава Богу, у нее все спокойно, у сына – тоже. Жалуются на перебои с продуктами и высокие цены. Особенно плохо с сахаром, мукой и чаем. Ну да, все же мясо и ово-

щи у нас в городке по преимуществу местные, с соседних деревень, только теперь в Москву больший процент уходит. Ну и всякие экзотические фрукты вообще исчезли вместе с окружающими странами из будущего. Жена успевает еще рассказать, что всякие перекупщики с кавказским акцентом и гастарбайтеры пропали, как по волшебству. Похоже, наши власти заодно и тылы почистили? Не ожидал от них такой прыти. Хотя Громов все же генерал боевой, да и областью уже давно командует, сообразил, чем в военное время игрушки с ценами на рынках и безработными иностранцами закончиться могут, и среагировал, как положено, а наверху разрешили. Удивительно, что разрешили. Я все думал, что ни за что не согласятся на такое «попрание общечеловеческих ценностей».

Впрочем, это все лирика. Пока наземный эшелон сворачивается, контролирую, чтобы мои взяли все необходимое на новом месте, и накачиваю лейтенанта. Ну, а потом, несколько успокоившись, иду к взлетной площадке. Сержант Воробьев докладывает о выполнении предполетной подготовки. Что же, остается только ждать разрешения на вылет. Долго ждать не приходится, точно в одиннадцать пятьдесят один за другим запускаются двигатели наших «вертушек», и ровно в полдень первый борт отрывается от земли. Вертолет, на котором я лечу борттехником, взлетает крайним и пристраивается в конце летящим колонной пар остальным машинам.

Перелет идет совершенно буднично, даже, я бы сказал,

скучно. Хорошо, что я прихватил с собой «наладонник», перечитываю залитые в него книги. Пассажиры убивают время сном или болтовней, лишь один, невысокий, но крепкий сержант, похожий на уменьшенную копию Рэмбо, только без его тупости на лице, читает книгу. Проходя по салону и осматривая вертолет, успеваю подглядеть, какую. Ха, наш человек, читает о советских десантниках во время ТОЙ войны. Очень страшная книга...

Возвратившись на свое место, открываю тоже книгу о войне. Правда, не о той, которая одна в народе называется просто войной, а о другой, которая не состоялась и теперь уже точно не состоится. Читаю о гражданской войне на Украине. Нет, все-таки непричесанный электронный вариант мне нравится больше, чем отредактированный бумажный. Вся экспрессия книги после вроде бы незначительных поправок ушла. Конечно, в неотредактированном варианте мата вроде бы слишком много было. Так ведь на войне в армии матом не ругаются, на нем разговаривают. А книга действительно жизненная, не зря говорят, что автор в процессе ее написания заработал инфаркт. Дочитываю, плохая привычка – быстрочтение. Если другим на неделю и одной книги много, то мне в сутки до двух мало. Смотрю в иллюминатор, а то память КПК не резиновая – надолго книг не хватит. Интересно, что в воздухе практически пустынно. За время полета до Смоленска нам попадаются лишь несколько летящих в стратосфере самолетов, судя по скорости изменения

следа, истребителей, и все.

Садимся в Смоленске. Вот тут, контрастом к пустынно-му до того небу, военный аэродром кишит жизнью. С ревом взлетают пары «мигов», на стоянке среди капониров мельтешат люди и автомобили. С удивлением замечаю примерно два десятка «двадцать седьмых» «мигов», которые стоят на ЦЗТ и явно планируются к перелету, потому что около них разъезжает несколько топливозаправщиков и АПА. Неужто и такие машины откуда-то с хранения сняли? Хотя, почему и нет, штурмовик из этого самолета, благодаря изменяемой стреловидности крыла, куда лучше, чем истребитель. А уж его шестиствольная тридцатимиллиметровка – это вообще нечто бесподобное. Помню, на полигоне видел, как во время очереди самолет в воздухе застывает, а внизу встает стена разрывов. Для немецких танков сорокового, а тем более для автомобилей и паровозов – полный кирдык. Интересно, откуда такие раритеты выкопали, вроде все попытки поставить их на хранение в России кончились неудачей? Впрочем, помнится, их еще в советские времена в Казахстане много складировали, да и в Белоруссии с Украиной их немало было. Хотя, если вспомнить, в каком виде мы Ту-160 от украинцев получали, я в белорусские поверю быстрее. Ага, успел заметить опознавательные знаки – в звезде желтый круг и внизу что-то вроде венка. Если не ошибаюсь, ВВС Казахстана. Он же тоже в ОДКБ входит, вот, наверное, и прислали пару эскадрилий.

Вертолет вырывает на стоянку, открываю дверцу и ставлю трап, поднимаю глаза и присвистываю от удивления. В соседних капонирах, выставив вперед характерно сплюснутые носы, стоят две «сушки», «тридцать четвертые». Да уж, это штука посильнее «Фауста» Гете, хе-хе.

На каждой машине висит, как я понимаю, полный возможный для дальних перелетов боекомплект – ракеты, несколько разных бомб калибров от двухсот пятидесяти до пятисот кило, причем две – КАБ, то есть управляемые. Не завидую я фрицам, такой самолетик их способен накрошить не меньше, чем артиллерийская дивизия времен прошлой войны. Еще бы, более восьми тонн бомб и дальность полета до шести с половиной тысяч километров...

Печально вздыхаю, вспомнив, что в свое время переучивался на «Сухие», вот только служить на них так и не довелось. Но огорчаться особо некогда, дозаправляемся и готовим машины к следующему перелету. Пробегаю, контролируя выполнение работ и расписываясь в журналах, весь строй наших вертолетов и у крайнего натываюсь на смутно знакомого незнакомца, пытающегося «украсть» выделенный нам АПА. Окликаю его и тут же узнаю. Он меня тоже. Радостно жмем друг другу руки и от души хлопаем друг друга по плечам. Еще бы, не виделись лет десять как минимум, переписка в «одноклассниках» не в счет. Дима Телепнев, сослуживец, техник самолета. Несколько минут обмениваемся последними новостями, пытаюсь впрессовать в несколько

предложений происшедшее за все это время. Естественно, не успеваем, к вертолетам уже идут экипажи. Быстро прощаемся, и он огорченно топает к КДП, надеясь выбить АПА для своих самолетов там.

В полете обдумываю услышанное. Интересно, какую же сверхважную цель собираются бомбить? Вольфшанце, Пенемюнде, Цоссен? Хотя, пожалуй, для укрытий в Цоссене эти бомбы маловаты, если только ОДАБы применить. Видел я эти бомбоубежища вживую, когда предписание в штабе Группы Советских Войск в Германии получал. Их даже изнутри взорвать не смогли, только повредили слегка. Так и стояли эти покрытые трещинами горы бетона около здания штаба.

Ладно, чего гадать впустую, рано или поздно обо всем сообщат.

Осматриваюсь и замечаю, что нас сопровождают. Смешно, вместо боевых истребителей с нами звено «Элок» послали. Как ни удивительно – боевых, «тридцать девять зет». На каждом две ракеты висят, старые К-13М, точно, по силуэту видно, и пушка встроенная торчит. Ну и ну, откуда такие нашли, нам их вроде чехи не поставляли, только учебные. Да только истребители из них, хотя и боевых... Впрочем, для защиты от немецких, устаревших по факту, истребителей вполне сгодятся, особенно если легчики в них подготовленные сидят. Правда, где их взять, подготовленных-то, после стольких лет развала? Летят и ладно, надеюсь, на немцев

не наткнемся, да и отпугнут в случае чего.

Вот, наконец, и Береза. На аэродроме такая же, обычная, внешне не отличимая от беспорядка, авиационная суета, что и в Смоленске. Взлетают и садятся звенья истребителей и бомбардировщиков, натужно гудя моторами, приземляются тяжелые транспортники, по дорожкам в разные стороны движутся специальные и прочие автомобили, в том числе и обычные гражданские «повышенной проходимости» легковушки. Видимо, «батько» уже и транспорт мобилизовал.

Молодцы белорусы, несмотря на все пертурбации, бардак у них под контролем. Для нас выделили отдельную стоянку, покормили и даже отвели в специально приготовленные сборно-щитовые домики. Даже не палатки, представляете? Не, молодцы, однозначно. У нас беспорядка точно больше.

Да и из разговоров понятно, что у них и отказников поменьше, а уж нациков всяких вообще нет. Белорусы ту войну точно лучше помнят, а у нас вон до сих пор идиоты встречаются, готовые с нацистами подружиться, а уж патриотизма у многих хватает лишь на то, чтобы в Интернете против «рашки-федерашки» выступать.

Едва мы успели устроиться, как начали приземляться транспортники со вторым эшеленом, а после их встречи командование собралы на совещание. Задачу нашей части довели. Оказалось, что все не так хорошо, как нам по новостям втирали. Превосходство живой силы у немцев такое, что наши в ту же ситуацию, что и американцы в Корее, попали –

фрицы за счет этого преимущества довольно далеко продвинулись. Так что задача одна – удержать их на этих позициях до полной мобилизации и сколачивания резервных частей. Авиация, конечно, свою долю вносит, но и спецназу придется поработать. Разведка, обнаружение и подсветка целей для авиации, диверсии, в общем – полный набор. Да, и действовать будем по ночам, с временных площадок у линии фронта. Мой вертолет – запасной, остальные борта уходят на задание уже ночью. Так что работы море.

Александр Маслов, старший лейтенант Российской армии. Где-то под Бродами

Утром я присутствовал на допросе пленных немцев. Начальник разведки их потрошил еще вчера, что называется, «тепленькими». Теперь же допрос проходил в присутствии нескольких офицеров из разных служб. Скорее всего, генерал хотел, чтобы офицеры получили лучшее представление о противнике.

Первым пред наши очи предстал старший из уцелевших немцев фельдфебель Шнитке (уж не родственник ли композитора?). Вчера пленные имели вид откровенно жалкий, однако этот фрукт оказался с крепкими нервами. За ночь он пришел в себя и сейчас постарался вести себя с нами со всей надменностью высшей расы. Удивил, если честно. Я думал, что после встречи с боевым вертолетом потрясение окажет-

ся посильнее.

Переводил один из офицеров штаба группы, незнакомый мне старший лейтенант, вполне сносно говорящий по-немецки. По крайней мере, я ни разу не заметил, чтобы у него возникали проблемы с переводом. Сам я на языке Дюрера и фюрера знаю только «гитлер капут» и «хенде хох», ну, может, еще несколько слов, по крайней мере, тех, которые в ходу при пародиях на немецкие фильмы. Поэтому чистоту языка нашего офицера оценить не мог.

Вопросы задавал помощник начальника штаба подполковник Симоняк. С ним я тоже не был знаком, со штабистами я пересекался мало.

– Ваша фамилия, воинское звание, часть?

– Фельдфебель Отто Шнитке, разведка одиннадцатой танковой дивизии! – четко ответил немец.

– Каким образом оказались в месте пленения?

И тут фельдфебель отмочил номер. Я не сразу понял, почему переводчик, услышав ответ на вопрос, перевести его смог не сразу.

– Господа офицеры, устав запрещает мне отвечать на иные вопросы, кроме звания и части. Однако если вы позволите мне связаться со своим командованием, я могу выступить посредником в переговорах.

Все присутствующие буквально выпали в осадок. Вот это мания величия! Немец что, решил Рейх с Россией помирить? Но, как оказалось, мы его поняли неправильно.

– Переговорах о чем?

– О почетной капитуляции вашей части! Вы же наверняка понимаете, что война вами проиграна. Немецкие войска успешно наступают. Вы смогли победить в одном бою, но танковые дивизии Клейста вам не остановить. Вам только надо выдать евреев и комиссаров.

Мы с трудом дослушали еле сдерживающегося переводчика до конца фразы, следующие пару минут немец был представлен сам себе, задавать вопросы ему было некому. Нет, мы не смеялись, мы просто ржали. Наверное, я в жизни не смеялся так сильно. По всей видимости, фельдфебелю не приходилось встречаться с современной техникой до боя с нами, иначе он не был бы столь самоуверен.

– Переведи ему, – отсмеявшись, сказал Симоняк, – что сдаваться нам нет резона. Это ему крупно повезло, что он попал в плен, значит, останется жив. А что касается танков, то пять танковых дивизий Клейста, я даже могу их перечислить: девятая, одиннадцатая, тринадцатая, четырнадцатая и шестнадцатая сейчас никак не могут справиться с тремя танковыми батальонами нашей армии. Когда к ним подойдут подкрепления, Клейсту придется удирать!

Фельдфебель вскинулся:

– Это большевистская пропаганда! Три батальона никак не могут остановить танковую группу! Вы еще пожалеете, что не согласились на мое предложение!

Последовал новый приступ хохота. Он был не так силен,

как в прошлый, но и в этот раз посмеялись мы от души.

– Фельдфебель, вы можете мне не верить, но группа армий «Север» уничтожена полностью, Восточная Пруссия занята нашими войсками, а танковая группа Гота окружена, – то, что говорил сейчас Симоняк, было новым не только для немца, я вчера не следил за сводками. – В Белоруссии немецкое наступление остановлено повсеместно. Лишь Клейст еще продвигается, но и это ненадолго. Вы еще не поняли, фельдфебель, что русская техника намного лучше немецкой!

– Я не верю ни единому вашему слову! Только высшая раса под руководством великого фюрера... – когда переводчик начал переводить этот бред, Симоняк поморщился, махнул рукой и приказал:

– Уберите этого недоумка! Давайте кого-нибудь более адекватного! – И добавил, обращаясь уже к нам: – А ведь вчера соловьем пел. Шок, это по-нашему!

Фельдфебеля увели, а на смену ему вывели солдата попроще. Тот явно робел и готов был отвечать на любые вопросы.

– Ефрейтор Макс Шулле, одиннадцатая танковая дивизия, – ответил он на вопрос переводчика и тут же затараторил: – Господа офицеры, я не национал-социалист, на выборах я голосовал за коммунистов!

– Отвечайте по существу!

Резкий тон взбудрил немца. Все-таки порядок для этой нации – святое. Ефрейтор вытянулся и четко ответил:

– Так точно, господин офицер!

– Каким образом вы попали в место пленения? – Симоняк старательно избегал упоминания аэродрома, как будто немцы не слышали гула двигателей и не видели, откуда взлетел атаковавший их вертолет. Но, вообще, он прав. В данном случае лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Двадцать второго июня нас послали на разведку. Так получилось, что мы без сопротивления проехали на несколько десятков километров в глубь русской территории, а следовавшие за нами части дивизии были остановлены русскими танками. Наш командир, гауптман Клонге, решил направить навстречу главным силам половину разведывательного отряда, а со второй половиной продолжать разведку. Генерал по радио одобрил его план.

– Откуда вам это известно?

– Радист нашего отряда мой хороший знакомый, – ответил немец и добавил: – Был.

– Продолжайте!

– Три броневика и половину мотоциклистов гауптман направил обратно под командованием оберлейтенанта. Больше я их не видел.

– Этот отряд пытался атаковать украинских танкистов с тыла, но напоролся на танк и был рассеян, броневики наши сожгли. – Прокомментировал нам Симоняк. И на всякий случай предупредил переводчика: – Это переводить не нужно. Танкисты намеренно пропустили разведотряд и вмазали

по панцерам. Они не поняли только, что вернулись не все разведчики, а лишь половина.

– Мы продолжили движение по русским тылам. Но на всех дорогах обнаруживали русские посты с легкими танками, колесными или гусеничными. Вступать с ними в бой гауптман не решился и приказал нам свернуть на грунтовую дорогу. Правда, наша карта оказалась не точной, наверное, слишком старой, – немец даже не понял, насколько был прав. – Некоторые грунтовки превратились в дороги с покрытием. Но, в конце концов, нам удалось уйти с шоссе в лес. Вот так по лесным дорогам мы и перемещались два дня, укрываясь от ваших танков. А потом натолкнулись на вас.

Немец замолчал.

– А почему ваш капитан решил атаковать наши позиции?

– Я не могу сказать наверняка. Но, скорее всего, он считал, что тыловые подразделения не окажут серьезного сопротивления. Танков он не видел, а о том, что в таком месте может располагаться аэродром, догадаться было сложно. Вы прекрасно замаскировались.

– Где сейчас ваш капитан?

– Не знаю. Он находился в первом броневике. Что с ним случилось потом, я не видел. Среди пленных его нет.

Когда допрос закончился, Симоняк зачитал нам сводки с фронтов. Дела шли неплохо. В Прибалтике наши войска заняли почти всю территорию местных республик, попутно отрезав в Вильнюсе танковую группу Гота. Я удивился, чего

это его туда занесло, вроде в прошлый раз он прошел мимо. Из Калининградской области наши наступают на запад, пока не быстро, сил еще мало. В Белоруссии немцев практически остановили, и лишь южнее Бреста они еще пытаются продвигаться. И лишь «наш неугомонный» Клейст никак не оставлял попыток прорваться и с ходу взять Киев.

В прошлый раз все было наоборот: в Прибалтике и Белоруссии советские фронты в первые дни войны фактически прекратили свое существование, а на Украине прорыв Клейста удалось в итоге локализовать. Лишь через несколько недель под Уманью немцам впервые удалось окружить крупные силы «украинцев». У нас почему-то получилось не так.

Потом Симоняк огласил результаты вчерашней боевой деятельности групп. Сколько было сделано вылетов каждым пилотом, сколько проведено штурмовок. Я с удивлением узнал, что сбили даже два «мессера». Люфтваффе после шокowych потерь первого дня войны не проявляло большой активности. А тут вдруг два «мессера» решили подловить пролетающий мимо них «крокодил». Сделали они все правильно, подкрались на малой высоте, зашли со стороны солнца, набрали высоту, чтобы атаковать сверху, и... попали в лучи сразу трех наземных локаторов. Пэвэошники стрелять по ним не стали, от греха подальше район, где летали вертолеты, был для них закрыт, но предупреждение через наш штаб мгновенно отправилось вертолетчикам. Правда, майор Кудинов был «третьим калачом» и головой крутил посто-

янно. Заметив две приближающиеся точки за несколько секунд до получения предупреждения, он не растерялся, развернул вертолет навстречу и угостил нападавших ракетами с пары километров. Немцы явно не ожидали, что странная летающая мельница может стрелять на такие дальности. Во Второй мировой войне такие дистанции для воздушного боя считались запредельными.

Выйдя из палатки, я увидел, что аэродром закрыл плотный слой тумана. Видимость упала до нескольких десятков метров. Перед допросом туман только наползал отдельными языками с запада, а сейчас захватил полное господство в воздухе.

Тяжело нашим придется по такой погоде. Авиация эффективно действовать не сможет, артиллерия тоже, целей не видно. А ПНВ на танках будут эффективны только на небольших дистанциях. У немцев появляются все шансы незаметно просочиться. Линия фронта все еще неплотная, дыр много. Да и там, где эта линия есть, преимущество современной техники в дальности поражения чаще всего сойдет на нет.

Вертолеты наши в этот день летали меньше. В тумане искать цели куда сложнее. А канонада с запада приближалась и становилась все слышнее. Видать, украинцы постепенно отходят. Под вечер меня вызвал Кузьменко. У него в палатке я застал незнакомого майора.

– Знакомьтесь, майор Истомина, старший лейтенант Мас-

лов, из мобилизованных инженеров.

Мы с майором пожали друг другу руки.

– Товарищи офицеры, слушайте боевой приказ. Завтра с утра вы должны выдвинуться вот в этот район, – подполковник показал на карте, куда именно, – и провести рекогносцировку местности на предмет поиска подходящей площадки для нового аэродрома. Ну, ты, майор, в таких делах ас, пусть Александр у тебя поучится. Война закончится не завтра, аэродромов нам понадобится еще много. Старший группы – Истомин, заместитель – Маслов. Возьмите бойцов, три машины, полное вооружение. Не забудьте РПГ! В тылу беспокойно. Мало того, что немцы постоянно прорываются, так еще и местные бандиты оживились. В общем, держите ухо востро, в бой не вступайте! И аэродром найдите! А то на этот немецкие танки скоро выехать могут!

Выйдя от Кузьменко, мы познакомились с майором поближе. Он представился Олегом и сразу предложил перейти на «ты». Возрастом мы были схожи, ему слегка за тридцатник, мне в январе стукнуло тридцать. Общий язык нашли легко. Олег в центре был чуть ли не штатным «квартирьером», поиски площадок для посадки винтокрылов для него рутинная работа. Общую подготовку к экспедиции он взял на себя и сразу же побежал осматривать выделяемые нам машины и отбирать бойцов. Мне же пришлось снова бежать к вертолетам, от работы с техникой меня пока никто не освобождал.

Ивангород. Военкор Алексей Иванцов

Переночевали на вокзале. Утром вышли в город и обомлели. Столько вояк я только по телевизору видел. Танкисты, самоходчики, мотострелки... Ни одного гражданского. Город стал зелено-пятнистого цвета. И вся эта масса никуда не двигалась.

– Все люди как люди, а мы – кашки в проруби, – ворчал Фил. И его можно было понять. Два провинциальных журналиста, которых отправили в командировку с местными частями, оказались совершенно никому не нужными в этой суете.

Каждый офицер норовил нас послать на короткое емкое слово, когда мы пытались хоть что-то узнать. Никакой официальной информации, никаких пресс-релизов от командования. Мы с Филом опустились до того, что пошли смотреть телевизор в зале ожидания. И толку? Старые патристические фильмы, перемежаемые скучными сводками: «Наши войска, верные союзническому долгу, вступили на территорию Украины и Белоруссии». Политику России поддержал Казахстан, однако в союз вступать не решился пока. Хитрые казахи объявили о формировании «добровольческого тумена». Агрессию осудили все, кроме Грузии. Батона Мишико затаился, как нашкодивший кот. Киргизы тоже молчат. Ну, эти понятно. Они друг друга увлеченно режут. Им не до пу-

стяжков. А прибалты что? Калинин нам сказал, что гордые сыны Евросоюза вроде как присоединились к агрессорам. Однако на границе тихо. Ни стрельбы, ни ревущих бомбедеров над головой... Что же происходит за кордоном бывшего СССР – неизвестно вообще. Как будто другого мира вообще нет. Словно провалился куда-то.

Я был полностью уверен, что власти чего-то недоговаривают.

– Смотри! – толкнул меня Фил.

По первому пошел анонс вечернего праздничного концерта в поддержку российских, украинских и белорусских солдат. На экране замелькали отрывки военных песен, исполняемых попсовыми звездами, натянувшими военную форму. И если «Виагра» в камуфляжных лифчиках смотрелась еще прилично, то вот от Пенкина, Моисеева и Баскова, затянувших «Три танкиста», едва не стошнило. Причем Пенкин был почему-то в тельняшке. Пидарасы... Чтоб их параличом разбило!

Омерзительное зрелище. Вся эта пестобратия собралась ехать в благотворительный тур по стране с целью сбора средств в Фонд обороны, Причем начинать собираются с Урала. Стоп. Фонд обороны? Это что-то новенькое... Но лучше бы олигархов тряханули, честное слово.

– Пойдем-ка, солдатиков попинаем. Солдатское ухо – оно чуткое.

Мы долго бродили по Ивангороду приставая то к одним

группкам солдатиков, то к другим.

– Здорово, мужики! Вятские есть?

– Здравжла, тащ лейтенанты! Не, нету.

– Понятно, а вы тут чего ждете?

– Приказа!

– Какого?

– Да сами не знаем!

Наконец из одной БМП высунулся чумазый мехвод.

– Ну, я вятский, ачоа?

Пообещав ему, что фотографии и приветы обязательно передадим родным, мы угостили бойца остатками кофе из термоса.

Паренька звали Лешкой Глушковым. Вот-вот должен был уйти на дембель, а тут вот такая заваруха. Их часть неожиданно подняли по тревоге, потом перекинули сюда, и вот уже вторые сутки они тут торчат и ни черта не делают. Сначала говорили, что эстонцы, типа, войну объявили. Но этому никто не поверил. Они хоть и тормоза, но не до такой же степени?

– А вообще... – Глушков хитровато прищурился, оглянулся и понизил голос: – Слухи ходят, что не с НАТОй воевать будем. А с немцами.

– Тоже мне новость, – хмыкнул я. – Об этом еще в первый день Медвед сказал.

– С фашистскими немцами, – почти шепнул Глушков. – Они из прошлого, тряндят, появились и прут сейчас на хох-

лов с бульбашами. А сидим мы тут, чтобы дожидаться, когда фрицы прибалтов защемят. И мы их тогда опять освободим. А там уже дело техники, – любовно пошлепал свою машинку Глушков.

– Мда... – хмыкнул Фил, когда мы попрощались с мехводом. – Секретная информация от ФСБ, ага...

– Блин... – ругнулся я. – Вот же идиотская секретность. По телику всю о немцах тряндят, а до личного состава инфу не доводят. Бардак!

– Бардак! – согласился со мной Фил.

Потом я быстро набросал очерк «Вятские на войне» и отправил его заказным срочным письмом. Только вот думаю, что война быстрее закончится, чем письмо дойдет. А Фил пытался распечатать несколько самых удачных фоток для газеты. Сбегал в пару салонов и вернулся изумленным:

– Представляешь, гебня твоя кровавая все ксероксы и принтеры арестовала.

– Военное положение, – развел я руками. Фотки быстро скинули на бук. Снова вышли с вокзала. Тут-то нас едва не арестовали ушлые комендачи. Молва уже донесла до них, что ходят два каких-то странных лейтенанта, всех фотографируют и выпытывают секретную информацию. Спасла, естественно, аккредитация. Отвели нас в штаб, и там нам, наконец, повезло. Встретились неожиданно с Калининым.

– Опять вы? – буркнул он, когда мы столкнулись с ним в коридоре бывшей школы.

– А как же война с прибалтами, товарищ полковник? – ехидно поинтересовался я.

– Не сцы, будет еще, – отрезал Калинин и снова широко зашагал.

– Товарищ полковник... Да Саня, твою мать! Подожди секунду! – увязались мы за ним.

Долго мы его убалтывали взять с собой. Целых две минуты. Не уболтали.

Калинин посоветовал нам идти к тем самым мотострелкам и ждать у них.

– Вот-вот все начнется...

– Саш, что начнется-то?

– Встретимся в Таллине, – загадочно ответил он и исчез.

Пришлось последовать его совету. Пехотный комбриг, тоже полковник по фамилии Астахов, долго морщился от слова «журналисты». Но остаться с ними разрешил. И вовремя.

Мы даже не успели поразлагать личный состав свежими похабными анекдотами, как войска вдруг пришли в движение.

Мы устроились в той самой БМП мехвода Глушкова. На нас напялили бронежилеты и каски. Блин, я уже и забыл, какие они тяжелые! Пистолеты комбриг велел запихать в... В дупла, в общем. Зато получили по «калашу».

Когда ехали по мосту через Нарву, я не удержался и плюнул вниз. Традиция у меня такая – пометить новую реку, через которую переезжаю. Фил же щелкал и щелкал прекрас-

ные пейзажи – саму Нарву, могучие крепостные стены, кружащих в небе чаек...

Здание эстонского погранконтроля было разнесено в клочья. Нет, не снарядом. Неаккуратный водила головного танка не удержал машину на ровной дороге и нечаянно – совершенно нечаянно! – зацепил бортом строение.

Эстонские погранцы, несмотря на пресловутую тормозность, оттуда выскочили очень быстро. И теперь растерянно смотрели на грохочущую металлом колонну российской бронетехники.

И с каждой машины наша бравая пехота что-то орала, улюлюкала и свистела погранцам. Те даже и не думали отвечать.

Внезапно что-то в душе вдруг произошло, словно теплая волна какой-то гордости. И я тоже не удержался и крикнул: – А до Таллина далеко?

Сидевшие рядом бойцы дружно заржали.

Водилы же продолжали хулиганить.

Дорожные знаки не трогали. А вот указатели с надписями на эстонском непременно роняли.

Ну, ничего. Наши ваишники новые поставят. На русском теперь.

Самое смешное, когда мы шли по трассе А-20 и проходили населенные пункты различного калибра, эстонцы выходили к обочинам и молчали. С какой-то обреченностью на лицах стояли и разглядывали несущиеся мимо танки, БМП,

БТР, грузовики...

Вот так вот едешь – а на обочинах манекены стоят. Не злятся. Не радуются. Просто стоят и смотрят. Как суслики, честное слово!

На первой машине мужики подняли трехцветный российский флаг. А вот наш мехвод номер отколол...

Где-то под Кохтла-Ярве бойцы вдруг закопошились. Вытащили палку, сноровисто натянули на нее...

Красный флаг с серпом и молотом яростно заколыхался на балтийском ветру!

Веселуха началась, когда мы в Таллин вошли. Ох, и мат висел, когда колонна попыталась в Старый Город выползти. Улицы узкие, кривые. Немцы, блин, понастроили в свое время. Или это датчане были? Хотя... Какая разница? Технику пришлось оставить, и пехом, пехом.

Выползли на Ратушную площадь. Вот тебе и Старый Томас, вот тебе и сама Ратуша.

Из окон, из подворотен – да отовсюду! – торчали любопытствующие морды эстонцев.

Фил окликнул меня:

– Смотри! Гостиница какая-то! «Scandic Palace» вроде...

– Ага. Скандинавский палас. И как они тут живут? Все не по-человечьи называют! Надо же, гостиницу в честь ковра назвали, – откликнулся кто-то из бойцов.

– Лех! Пойдем, позырим! Может, там Интернет есть?

Браво перекинув «калаши» через плечо, мы потопали по

брусчатке к этому самому «скандинавскому паласу». Бойцы наши усаживались вдоль стен, пугая автоматами местных, высыпающих на улицы, ротозеев.

Но дойти мы не успели.

С одной из улочек на площадь внезапно вышла колонна. Шли какие-то старичеллы в мундирах под красно-бело-красными знаменами и орали:

*Die Straße frei Den braunen Bataillonen,
Die Straße frei Dem Sturmabteilungsmann!
Es schauhn aufs Hakenkreuz Voll Hoffnung schon Millionen
Der Tag für Freiheit Und für Brot bricht an.*

Фил тут же начал щелкать своим фотиком, а я машинально снял с предохранителя свой «калаш».

Бойцы наши отреагировали так же. В смысле, «передернули затворы».

Передние ряды демонстрантов внезапно остановились. Задние продолжали напирать, не сразу сообразив – что происходит. Эстонцы, че!

И песня медленно затихла. На площади воцарилось молчание. Гражданские куда-то внезапно рассосались.

«Сейчас прольется чья-то кровь...» – мелькнула у меня в голове какая-то цитата из какого-то фильма.

И тут Фил внезапно заорал:

– «Расцветали яблони и груши. Поплыли туманы над рекой. Выходила на берег Катюша, на высокий берег, на

крутой...»

И, закинув на спину автомат, пошел навстречу старым эстонским придуркам, продолжая щелкать своей «фаллической душой».

На какой-то миг мне показалось, что вся площадь, весь город, да что там, весь мир – просто вымерли все.

И что-то тут и меня подкинуло, и я пошел вслед за Филом:

*Пусть фриц помнит русскую «катюшу»,
Пусть услышит, как она поет!
Из врагов вытряхивает души,
А своим отвагу придает!*

Этот куплет мне дед пел. Его нет в официальной версии. А вот у меня есть.

Внезапно за спиной загрохотал КПВТ. Очередь прошла поверх голов нацистских ветеранов, выбивая кирпичную пыль из старинных домов Таллина.

А потом бойцы наши вдруг заорали «УРА-А-А-А!!!» и бросились на эсэсовских стариков. Впереди бежал наш мехвод Лешка Глушков с тем самым красным знаменем. И вот честное слово даю. Никто не хотел инвалидов фашистских бить прикладами. Русские солдаты – люди добродушные и отходчивые. Мы их просто попугать хотели. Мы же не рассчитывали, что половина бывших вояк из двадцатой гренадерской дивизии СС страдает на старости лет недержанием

кишечника? Ну, парочка еще копыта откинула от инфаркта. Мы-то тут при чем?

И никого мы танками не давили. Танки и прочие БМП в город не вошли. Больно надо еще на них моторесурс тратить...

– Мехвод! – крикнул Глушкову довольно хохочущий Фил. – А ты почему свою лошадку бросил?

Тот тем временем сунул свой красный флаг наиболее гордому эсэсовцу и заставил его маршировать по площади, распевая гимн Советского Союза. «Союз нерушимый республик свободных...» От страха у эстонца даже акцент пропал.

– Товарищ лейтенант! Я первый раз за границей! Попросил ребят присмотреть! Когда я еще в Таллине побываю?

Хочешь посмотреть мир? Совершенно бесплатно? Программа «Все включено!». Генеральный спонсор – Министерство обороны Российской Федерации.

Вечером этого же дня полковник Российской армии Виктор Сенников, комендант города Таллина, столицы новоявленной Эстонской области, отдал первый свой приказ:

«Перенести Бронзового солдата на прежнее место.

Все расходы возлагаются на принимающую сторону».

Долго мы задерживаться в столице Эстляндии не стали. Командование оставило небольшой гарнизон и отправило нашу колонну дальше. Единственное, что успели мы – распечатать-таки несколько фоток в той самой гостинице. Фил умница. Когда побежал на престарелых нацистов – щелкал

на бегу. Исторические кадры должны получиться.

Особенно меня впечатлил один – перекошенное лицо какого-то старика. В глазах эсэсмана плескался дикий ужас, а из искривленного рта стекала струйка слюны. Ну и кающийся хрен с красным флагом в руках, покорно поглядывающий на чумазого мехвода, – тоже хорош.

Сволота, блин.

А потом колонна двинулась дальше на запад. Что-то там происходило, раз нас так гнали. Очень мне это все напомнило знаменитый бросок десантников на косовский аэродром. Помните, в Сербии тогда? Как мы тогда гордились за нашу армию... А теперь вот сами!

Шли без остановок. Физиология, однако, давала о себе знать. Вы не поверите, но орошение придорожной травы мы производили прямо с брони. Само по себе сидеть на несущейся БМП – довольно сложная штука. Ну а сам процесс слива солдатского радиатора превращался в акробатический этюд. Впрочем, чего-то я увлекся...

Эстонцы по-прежнему бесстрастно стояли вдоль дорог, когда мы проезжали населенные пункты. Стояли и взирали исподлобья.

В русских же хуторах и деревнях нас забрасывали цветами! Честное слово – такое чувство, как будто снимаюсь во фронтовой хронике сорок пятого года. Мурашки по коже! А в одном селе мне разбередил сердце какой-то старик.

Он стоял около своего дома, вытянувшись по стойке

«смирно». На старом, еще советском, мундире, блесело несколько медалек – какие точно? – я толком не разглядел. Одну только узнал. «Отважную».

Старик стоял, и рука его дрожала, приложенная к такой же старой пилотке. Левая. Потому как пустой правый рукав был заткнут за поясной ремень. А за низким заборчиком стояла его бабка. Крестилась и кланялась в пояс. Кланялась и крестилась. Старика обдували могучие и вонючие клубы сиреневого дыма от наших машин. Но он не морщился, а даже с каким-то наслаждением вдыхал запах сгоревшего дизтоплива. По морщинистому лицу его стекали слезы.

Следующая за нами «бээмпэшка» вдруг тормознула. Оттуда выскочил какой-то летеха и положил к ногам старика туго набитый солдатский сидор. Потом крепко обнял его и лихо запрыгнул обратно.

Первый раз нас обстреляли на подходе к эстонско-латвийской границе. Из небольшого леска вдруг ударила пулеметная очередь. Слава Богу, пулеметчик оказался неопытным. Очередь прошла выше – слишком ствол задрал. Останавливаться мы не стали. Колонна оцетинилась такой стеной огня, что лесок просто исчез. КПВТ перерезает стволы деревьев не хуже «Хускварны». Гринписа на нас нет... А танки даже не соизволили башни повернуть.

Смелый был эстонец. Смелый, но глупый. Хотя... С другой стороны, разве не так поступали наши деды в сорок первом?

Впрочем, наши деды не сжигали деревни вместе с людьми.

Господи... Какая была вонь! Она перебивала все на свете, когда мы вошли в выгоревшую деревеньку.

Живых там не было.

Это была первая остановка нашей колонны. В вечернем свете мирно заходящего солнца дотлевали остатки домов, сожженных вместе с их жителями.

Пока солдаты проверяли развалины, мы с Филом мотались по этой бывшей деревеньке. Он снимал. Я запоминал. Какая же сволочная работа – быть журналистом. У меня мутилось в голове от увиденного. Фил был бледный как смерть. Солдатики наши по очереди блевали.

Всякого я навидался. Делал репортажи с пожаров, с аварий. Было дело, три машины столкнулись на Казанском тракте. Девять погибших. Из них два ребенка. Да. И там мне было плохо. Очень плохо. Но тут... Как же я не хочу об этом рассказывать. Но надо. Надо написать статью. Потому как журналисты – это тоже солдаты. Солдаты информационной войны.

Пока наши мотострелки стаскивали обугленные трупы в одну кучу, время от времени падая в обморок, пока наш командир связывался с командованием, объясняя ситуацию, я сидел и долбил заметку на своем нетбуке. Долбил, пытаюсь не потерять сознание. «Терпи, сволочь! Терпи!» – приказывал я себе. Я ее тут приведу, эту статейку. Хорошо?

«Нацизм возвращается»

Колонна российских миротворческих войск под командованием полковника Астахова шла ускоренным маршем через Эстонию в район сосредоточения.

В одной из деревень наши солдаты столкнулись с ужасающим возвратом средневекового нацизма в эстонском исполнении.

Эта деревня была населена „гражданами второго сорта“. То есть – русскими. Если до войны их преследовали морально и экономически, то сейчас эстонские фашисты прибегли к физическому уничтожению.

Семьи „унтерменшей“ были заперты в своих домах. Старики, женщины, дети – обычные мирные жители. А потом их подожгли. Лучше любых слов об этом расскажут фотографии военного корреспондента Н. Филимонова. По этическим причинам мы не можем опубликовать все фотографии. Полный архив вы можете скачать на сайте нашей газеты. Будьте осторожны при просмотре. Женщинам и детям смотреть... НЕЛЬЗЯ!

Ситуацию прокомментировал полковник Астахов:

– Как вы считаете, кто был способен на такое?

– Войск противника здесь просто нет и быть не может. Выводы, конечно, сделает следствие. Однако можно утверждать, зная национальную

политику бывших властей Эстонии, что это сделали так называемые „силы национальной самообороны“ либо политические организации националистического, простите, нацистского толка.

– Какова будет реакция миротворческих сил России?

– На этот вопрос я ответить не могу, так как не хватает компетенции.

– И все же?

– При столкновении с бандитами мы будем вынуждены применить оружие в целях защиты мирных граждан.

Единственный вывод, который можно сделать, видя такие зверства, что подобное могут делать те, кто потерял человеческий облик. А значит, они не подлежат суду и должны расстреливаться на месте как дикие звери. Женевская, Гагская и прочие конвенции не должны распространяться на нелюдей.

Алексей Иванцов. Военный корреспондент».

На самом деле разговор проходил совершенно не так.

С полковником я столкнулся, когда осматривал очередные дымящиеся развалины.

– Что, ... ть, журналист х... ев, пишешь? Ты, ... ть, ты нах..., ты напиши от меня лично! Я, ... ть, каждого е... ого эстонца лично е... ну, если му... чье это злое... чее мне с оружием попадетсЯ. Х... я клал на всю эту пи... братию со всеми б... дскими правами человека и пе... растичной толерантностью. Я в горло столько х... в им натолкаю, что сс... ться будут кровью триста лет подряд! Понял, козел? И по-

пробуй хоть слово изменить, раком поставлю!

Увы. Пришлось изменить. Иначе цензура не пропустит.

После этого полковник лично застрелил единственного человека, оставшегося в живых из этой деревни.

Я не могу сказать – мужчина это был или женщина. Тело обгорело так, что, казалось, дышит какое-то обугленное бревно. Но оно дышало. Меня до конца жизни, наверное, будут преследовать эти кошмары. Хриплое дыхание. Красные трещинки, разрывающие при каждом вздохе обугленную плоть. Твою мать... Стопроцентные ожоги четвертой степени. Полностью сгоревшие конечности. А тело еще дышит. И без сознания. Мы ничем ему не могли помочь, этому человеку. Ничем. Наши полевые медики только развели руками. Полковник лично выстрелил в обугленную голову, целясь между лопнувшими от дикого жара глазами.

Может быть, я зря все это помню?

Алекс Кшетуский. Бортстрелок

Ночь. Да... «Встреча на Эльбе» прошла удачно – раненых американцы отправили в госпиталь белорусской армии, а эскадрилью попросили работать по профилю в интересах армии РБ. До вечера сделали два вылета, потом небольшой отдых – натовцев накормили в столовой на авиабазе – впервые за три дня поели горячего и вспомнили, что такое чай. А затем все снова – вылеты за ранеными. Когда стемнело, прибав-

вилось работы – большинство вертолетов Ми-8 не было готово к ночным полетам и тем более – посадкам на необорудованные площадки.

– Это «медэвак», прошу обозначить свое местонахождение и посадочную площадку!

Вертолет наворачивал круги, ища вызывавшее медиков подразделение. Внизу шла перестрелка – белорусские позиции были очень хорошо заметны – союзники буквально подавляли «колбасников» шквалом огня.

И тут под бортом вспыхнули две зеленые ракеты. Кшетуского аж ослепило.

– Черт, идиоты! Да вижу я вас! Черт! Заходим на второй! – Белорусы обозначили себя ракетами, ослепив и пилота, который их в ПНВ превосходно видел. Пришлось отложить посадку.

Сопровождавший нас офицер из ВВС Белоруссии тут же обматерил тех, кто был на земле, и попросил больше не слепить пилота – в американской армии места посадки было принято обозначать по-другому.

Пока Кшетуский пытался выгнать зеленых зайчиков из глаз, «вертушка» коршуном рухнула на посадочную площадку. К ним тут же потащили раненых.

– Сюда, – первый сержант и офицер-белорус помогали разместить их в отсеке. Раненые в большинстве были молодыми ребятами, зачастую казалось, что это были подростки, которых облачили в камуфляж на пару размеров больше, чем

надо. Грязные, окровавленные, они были или в шоке, или без сознания.

И в таком же духе весь день. Жара... Кровь, кажется, впиталась в пол отсека. Ее запах не выветривался ничем.

Одесса. Военный пенсионер Сергей Акимов

Поехал на старую работу.

Самвел был на совещании у начальника управления. Зашел в свой бывший отдел, девчата обрадовались, нарасказывали, что меняется у них с началом войны. Оказывается, по десятку офицеров от каждого учреждения срочно переводят во вновь создающиеся лагеря для военнопленных. Первые сотни пленных уже появились, а ожидаются десятки тысяч. Вот для них и планируют создавать лагеря – пусть отстраивают разрушенное. А на вакантные должности решено привлечь пенсионеров. Девушки выдвинули мою кандидатуру – пять лет работали дружно и еще могли потрудиться, да по возрасту меня попросили уйти.

Слегка офонарел: война еще только началась, а начальство уже так далеко в будущее заглядывает! С другой стороны, хорошо – значит, сомнений в нашей победе нет.

Дождался Самвела, переговорили. Он подтвердил уже известную мне информацию и официально предложил вернуться на службу в качестве вольнонаемного. Выпросил день на размышления – и не против вроде, но и что-то смущает...

Поехал домой. Город выглядит непривычно – окна заклеены полосками бумаги и скотча крест-накрест, реклама выключена. В трамвае говорят, что ночью уличное освещение отключают. Постановлением городской власти объявлен режим светомаскировки – могут, мол, быть бомбежки. Откуда? Румыны боевые действия прекратили, а немцам не до Одессы – им и на фронте забот хватает. Как всегда, власть принимает меры с запозданием. Проще при обнаружении неизвестных самолетов отключать свет централизованно. На предприятиях, связанных с выпуском оборонной продукции, набирают рабочих, да и остальные заводы оживились – по радио и телевидению то и дело объявления: требуются токаря, слесари, сварщики, прессовщики и т. д. Где их сейчас взять? Почти двадцать лет рабочие кадры в стране практически не готовили, а теперь они вдруг понадобились. Еще одна проблема – торговцев больше, чем рабочих. И однозначного решения не видно.

Да, война – это безоговорочно плохо. Но она ставит такие вопросы, которые замалчивались годами, задвигались в тень, забалтывались, а теперь их придется решать, и решать срочно.

Дома – опять к телевизору. Показывают кадры бомбежки Берлина дальней авиацией. Ту-22 МЗ, Ту-95 и Ту-160, идя на высотах десять-двенадцать километров, сбрасывают ОДАБ большой мощности. Внизу – море пожаров, весь город затянут дымом. Подобные удары нанесены и по ряду дру-

гих крупных промышленных центров – Мюнхену, Руру, Гамбургу, Данцигу. Даже становится жалко немцев – от бомб объемного взрыва укрытия не спасают...

Константин Зыканов, сотрудник прокуратуры. Ганцевичи

Время для нас с Андреем тянулось очень медленно. Все-таки было как-то не по себе оттого, что опера, Саня и даже его малолетние охламоны поехали туда, откуда кто-то из них может не вернуться, а мы – два взрослых мужика – остались на базе, в тепле, уюте и полной безопасности. Пытались себя заставить пойти пообщаться с Отто, но душа почему-то не лежала. Пытались заняться делом – нас хватило на то, чтобы вернуть на место звездочки, выдранные еще перед Крысаничами, и пришпандорить шевроны при помощи клея «Момент», обнаруженного в ящике стола вместе с другими канцелярскими принадлежностями – офицерской линейкой, курвиметром (извиняюсь, не я такое название придумал), набором цветных карандашей и блокнотами. То ли кто-то забыл, то ли спецом для «крючков» держат. Покурили. Выпили кофе. Еще покурили. В конце концов, утомившись выкуривать одну сигарету за другой и поглощать растворимый кофе чашку за чашкой, мы разбрелись по комнатам. Я лег на диван, включил телевизор и... уснул. Да, банально уснул. Особенность организма такая – кофе, а тем

более – растворимый кофе, на меня почему-то действует похлеще любого снотворного. Проснулся внезапно – снился какой-то дикий кошмар, и в течение пары минут не мог понять, кто я, где я и зачем этот гад поливает на меня из чайника.

– Ну, ты и спать! – Андрей кинул мне полотенце, висевшее на спинке кровати. – Вставайте, граф, вас ждут великие дела. Дежурный звонил, наши вернулись.

– Фррр, – только и смог сказать я в ответ, вытирая с лица остатки воды. Мало того, что майка – хоть выжимай, так еще и покрывало, на которое я улегся, не раздеваясь, только сняв куртку, было мокрым насквозь. – Ты соображаешь вообще, что делаешь?

– А по-другому не получалось. Я тебе и кричал, и уши тер, и за ногу дергал – ты что-то буркнешь в ответ, на другой бок повернешься и дальше массу давишь.

– Садист. Что у наших?

– Пока не знаю, дежурный тоже не в курсе был, так что поднимайся, одевайся и потопали – они у КПП разгружаются.

Дойти до КПП мы не успели. Навстречу нам уже двигала сладкая парочка – Вова и Игорь. Как-то они за последние дни спелись, к чему бы это?

– Ну что?

– Все в норме, как доктор прописал. Немцев захомутали, девочка – цела, папа ее – не совсем цел, конечно, но жить будет, его уже перевязывают.

– Наши все целы?

– Наши-то? Почти. Не считая того, что Грине, похоже, нос сломали. А «не наши» – не все. Перетренировал Саня своих, перетренировал. Они немецкую группу прикрытия к себе метров на 15 подпустили – и с десяти стволов в упор. Мясо.

– А кто Гришу-то так сумел?

– О! Ключевой вопрос! Это их бугор его приласкал – он чуть дальше в лесу сел, и когда наш «фейерверк» сработал, ему не сильно досталось, короче, когда стали немцев собирать и укладывать, он очухался. Гриша как раз над ним наклонился, ну и получил – тот ему головой прямо по сопатке. Гриша, конечно, его повязал, но как приехали – сразу в санчасть, лед прикладывать.

– А с радистом как прошло?

– Середина на половину. Алекс с ним по-немецки минут десять разговаривал, а потом – бац – выстрел. Мы ломанулись, а он уже готов. Застрелился, короче. Из «ТТ» прямо в висок. Алекс переживает сильно – не смог убедить. Но это то, который командир их – ну фрукт, чистый фрукт. Сейчас такой концерт на КПП закатил – любо-дорого посмотреть, – ответил уже Игорь.

– Какой концерт?

– Он, пока мы обратно ехали, ругался на чем свет – «быдло большевистское, твари, хамы» и так далее. Остальные – приличные люди, лежат в отключке в кунге на полу, а этот

– ну не замолкает. Саню это достало, он ему пинка отвесил – заткнись, говорит, надоел. А тот – еще больше разоряется, матом – да так, знаешь, виртуозно, что студенты ржать стали. Тут у Старого терпение лопнуло, он ему слегка двинул – тот вырубился. Приехали, из машины стали вытаскивать – здесь уже, на КПП, он очухался, флаг трехцветный увидел, в осадок выпал, глаза таращит, что-то сказать силится, а тут к КПП, как на грех, дежурный по части подвалил – в погонах. Этот демон от нас вырвался, к дежурному бросился – пытается с ним в десны жаться, орет «я знал, я знал». Дежурный от него шархнул – видать, решил, что педерасты атакуют, а тот – за ним, так и пытается ему засос поставить. Неудобно, конечно, в наручниках-то, но – пытается. Потом остановился и этак властно, дежурному: «Господин штабс-капитан, извольте приказать вашим нижним чинам меня немедленно освободить». А дежурный капитан услышал, что его в «штабные» записали, стоит – слова сказать не может. Видимо, думает, что мы каких-то психов из лесу притаранили. Словом, взяли мы этого клоуна – и в любимый каземат. Сейчас его там прикуют, как следует, чтобы не быковал – и он в вашем распоряжении. А мы – спать, сил больше нету.

Пообщавшись с остальными ребятами, в красках повторившими нам уже услышанный от Вовы рассказ, мы пожелали им приятных сновидений и первым делом направились в санчасть – проведать Гришу. Но опоздали: дверь в санчасть оказалась закрытой изнутри, а из-за двери доносилось

какое-то подозрительное сопение. Клювик, говорите, Грише ремонтируют? Ну-ну. Клювик-то у него, похоже, вполне гмм... работоспособен.

Потоптавшись немного перед закрытой дверью, подергав ее за ручку, постучав, позвонив в звонок, мы плюнули на это дело и отправились к «клиенту», который с нетерпением ожидал нас в допросной. С ним в комнате находились два студента и Саня – он, несмотря на усталость, все-таки решил продолжить общение с таким любопытным экземпляром.

Увидев нас – в форме, хоть это и был камуфляж, с трехцветными шевронами на рукавах (погоны ему, сидя на стуле, разглядеть было сложно, точнее – просто невозможно), он завопил:

– Господа! Это какое-то недоразумение – я же свой. Позвольте представиться: генерального штаба подполковник Суховеев! Прикажите же, наконец, меня освободить!

Протокол допроса подозреваемого

25 июня 1941 года гор. Ганцевичи

Брестская обл. респ. Беларусь

Допрос начат: 06 ч. 00 мин.

Допрос окончен: 08 час. 15 мин.

Старший следователь по особо важным делам
ОРОВД СУ СК при Прокуратуре РФ

по г. Санкт-Петербургу старший советник
юстиции...

В помещении в/ч 03522

в соответствии с частью второй ст. 46, ст. 189, 190, частью первой ст. 223-1 УПК РФ допросил по уголовному делу № 02–41 в качестве подозреваемого:

1. Фамилия, имя, отчество: Суховеев Роман Аркадьевич

2. Дата рождения: 18.04.1884 г.

3. Место рождения: г. Клин Московской губернии

4. Место жительства, регистрации: г. Берлин, Потсдамская улица, д. 22, кв. 4

5. Гражданство: подданный Российской Империи, Германской Империи.

6. Образование: высшее военное, в 1913 г. окончил Императорскую Николаевскую Военную Академию.

7. Семейное положение, состав семьи: женат...

8. Место работы или учебы: 800-й учебный полк особого назначения «Бранденбург» (Lehrregiment Brandenburg z. b. V. 800)

9. Отношение к воинской обязанности: военнообязанный.

10. Наличие судимости: не судим.

11. Паспорт или иной документ, удостоверяющий личность подозреваемого: отсутствует.

12. Иные данные о личности подозреваемого: подполковник Русской императорской армии, воинское звание в Вермахте – гауптман.

Подозреваемый: Суховеев.

с участием заместителя прокурора... района г. Санкт-Петербурга старшего советника юстиции...

Участвующим лицам объявлено о применении технических средств: диктофон (модель), видеокамера (модель).

Мне разъяснено, что совместными Указами Президента РФ № 123-41, Указом Президента РБ № 213-41 от 24.06.1941 г действие ч. 4 ст. 46 УПК РФ, ч. 3 ст. 49 УПК РФ, Главы 16 УПК РФ и соответствующих статей УПК РБ на территории Брестской области респ. Беларусь приостановлено.

Мне разъяснено, что в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации я не обязан:

свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ.

Подозреваемый: Суховеев.

Подозреваемому объявлено, что он подозревается в совершении преступления:

Не позднее 23 часов 30 минут 22.06.1941 г. Суховеев Р. А., не отказавшийся в установленном порядке от подданства Российской Империи (гражданства Российской Федерации, Республики Беларусь), имея умысел на совершение государственной измены, был заброшен в составе разведывательно-диверсионного подразделения 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург» на территорию Брестской области респ. Беларусь с целью шпионажа, выдачи государственной тайны либо иного оказания помощи иностранному государству иностранной организации

или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации. Не позднее 02 часов 30 минут 24.06. 1941 г. Суховеев Р. А., действуя в составе организованной группы – разведывательно-диверсионного подразделения 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург» Вооруженных сил Германии, по адресу Ганцевичский район Брестской области респ. Беларусь, 15-й километр автодороги Ганцевичи – Хотынычи (трасса Р-105) – совершил захват заложника – несовершеннолетней гражданки РБ Сипаевой О. С, с целью понуждения ее матери – Сипаевой С. Б. – совершить действия, направленные на передачу противнику сведений о перемещении воинских контингентов ВС РФ, ВС РБ, в целях последующего совершения им (Суховеевым Р.А.) диверсии – то есть взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 275, 281 ч. 2, 206 ч. 3 УК РФ (аналогичными статьями УК РБ).

Подозреваемый: Суховеев.

По существу подозрения могу показать следующее:

В полку «Бранденбург» служу с момента

создания подразделения. 10 января 1940 года был сформирован 800-й строительно-учебный батальон особого назначения (нем. Baulehrbataillon 2. b. V. 800), состоящий из четырех рот. Роты дислоцировались в четырех пунктах, впоследствии место дислокации одной из рот – город Бранденбург-на-Хафеле – дало название всему подразделению («Бранденбург»). Наименование «строительно-учебный» было присвоено для конспирации. 1 июня 1940 года батальон был развернут в 800-й учебный полк особого назначения «Бранденбург» (нем. Lehrregiment Brandenburg 2. b. V. 800), наименование «учебный» – по-прежнему для конспирации. Полк состоял из трех батальонов, дислоцировавшихся отдельно – в Бранденбурге, Вене, Дюрене. Первым командиром полка «Бранденбург» был майор Кевиш, затем (с октября 1940) – майор фон Аулок, с 30 ноября 1940 – подполковник Пауль Хелинг фон Ланценауер. Полк «Бранденбург» непосредственно подчинен управлению внешней разведки (нем. Amt Ausland/Abwehr II) Верховного командования Вермахта. В отряды набираются помимо лиц немецкой национальности, соответствующих всем (весьма жестким) физическим требованиям, фольксдойче других стран, владеющие соответственно двумя языками, а также лица всех прочих национальностей, одобрявших политику Рейха. Их задачи – использование в тылу противника в диверсионных целях, переодетыми в форму врага и знающими язык – для его дезориентирования.

В подразделении «Бранденбург» солдаты помимо постоянной лингвистической практики, осваивают: рукопашный бой, работу с картой, взрывное дело, маскировку на местности, тактику боя в одиночку и малыми группами, навыки изготовления фальшивых документов, тактику засад, борьбу с танками, доскональное изучение своего и трофейного стрелкового оружия. Принципом работы «Бранденбурга» является отказ от ограничений в законах ведения войны. Можно все, что ведет к результату, даже если это противоречит морали. Допускается: применение любых видов оружия, пытки при допросе пленных, захват заложников, убийство женщин и детей, террор против некомбатантов и ряд других мер. Принципом ведения боя является тактика работы в «боевой двойке» или «работа в паре». Двойки тренируются во взаимодействии в составе подразделения из 12 человек (условно – боевое отделение). Эти отделения формируются в тактическое боевое подразделение из 300 человек – батальон. Главные задачи «Бранденбурга» в условиях военных действий: диверсии в тылу противника, глубокая разведка, уничтожение коммуникаций, захват мостов, аэродромов, бункеров, стратегических объектов любого уровня охраны, уничтожение узлов связи, ликвидация офицерского состава высокого ранга, террор против гражданского населения – для создания панических настроений и усиления хаоса, подрывы железнодорожных путей, уничтожение

складов с амуницией, продовольствием, боеприпасами, добыча «языков».

Допрос подозреваемого прерван в связи с необходимостью приема пищи.

Подозреваемый: Суховеев Е. А.

Перед началом, в ходе либо по окончании допроса подозреваемого от участвующих лиц заявлений не поступало. Протокол прочитан лично. Замечаний к протоколу не имею.

Подозреваемый: Суховеев Е. А.

Участвующие лица: подпись

Следователь: подпись

– Господа! Это какое-то недоразумение – я же свой. Позвольте представиться: генерального штаба подполковник Суховеев! Прикажите же, наконец, меня освободить!

– Ребятки, дайте нам с дядей поговорить, – Андрей кивком головы предложил охранявшим Суховеева бойцам выйти, – за дверью подождите, пожалуйста. Один – на месте, а второй – на полчаса свободен, потом поменяетесь.

Студенты, козырнув (ишь ты, уже настропалились), вышли из помещения, наградив подполковника «добрыми» взглядами – судя по всему, за время совместного пребывания с Суховеевым в «каземате» они узнали о себе много нового, и вряд ли это новое было добрым и светлым.

– Господа, а как же я?

– Во-первых, гражданин Суховеев, при обращении к любому из нас вы должны употреблять обращение «гражданин

следователь». Во-вторых, а почему вы решили, что мы испытываем хоть какое-то желание вас освободить?

– Но как же... Я же сам видел трехцветный флаг... Да и на шевронах у вас – тоже он. Пусть не треугольный, как у нас, в Добровольческой, был, но ведь трехцветный, не большевистский! Я так понимаю, что вторжение Рейха привело к тому, к чему и должно было привести – Советы рухнули, только так я могу объяснить и флаг, и шевроны.

– О «советах» мы с вами поговорим позднее. Я хочу сразу объяснить вам сложившуюся ситуацию: вне зависимости от существующего в России (искорка надежды в глазах диверсанта), да, именно в России, режима, гитлеровская Германия воспринимается гражданами страны, вне зависимости от их политических пристрастий, в качестве врага, а вы... вы встали на сторону этого врага для того, чтобы участвовать в нападении на страну, которая является вашей Родиной. – Избранную мною линию поведения продолжил Андрей. В «злого» и «доброе» играть не будем – смысла нет, к таким трюкам его готовили, возможно, не только в Абвере, но и эээ... пораньше, все-таки генштабистом представляется.

– Но позвольте! Как вы можете видеть врага во мне – человеке, который уже двадцать лет прилагал и прилагает все усилия к тому, чтобы ликвидировать большевизм? Если у вас это получилось сделать внутри страны, не нужно забывать о тех, кто потратил свою жизнь на то, чтобы создать

вам внешние условия для достижения цели. Мы, пусть разными путями, делали одно и то же дело. Может быть, вы мне не доверяете? У вас тут есть хотя бы один комиссар? Освободите меня, дайте мне пистолет, и я вам докажу, что заслуживаю полного доверия новых российских властей. Раз большевизм свергнут, между Германией и Россией не может быть каких-либо разногласий, настолько значимых, чтобы был смысл продолжать войну, а мое звание в германской армии только поможет установить контакт с властями Рейха. Пусть я всего лишь гауптман, но меня лично знает адмирал, и не только адмирал – я знаком со многими деятелями партии. Поймите же, наконец, что, удерживая меня, вы тратите драгоценное время.

– Комиссар, говорите? Есть, как не быть. Называется, правда, по-другому – заместитель командира части по работе с личным составом, но – есть.

– Что?! Вы хотите сказать, что в вашем полку среди офицеров есть правоверный большевик и он еще жив?

– Андрей, ты не в курсе политических предпочтений местного замполита?

– Абсолютно нет, меня они как-то не интересуют. Кстати, я на последних выборах голосовал за коммунистов – «ЕдРо» или эсэры меня как-то не вдохновили, а Жирика я после известной тебе истории терпеть не могу.

– Объясните, что здесь происходит? Кто вы такие? О чем, черт возьми, вы вообще тут говорите? Как может быть, что-

бы большевики терпели трехцветный флаг?

– Да они не только трехцветный флаг терпят, у нас и орлы (хихикнув про себя – все равно вилки для снятия с ушей лапши у него нет и не предвидится) вместо звезд – в Кремле на башнях стоят. А коммунисты – коммунисты заседают в парламенте на Охотном ряду вместе с теми, кого вы бы назвали кадетами или, скажем, обновленцами. Часть коммунистов, кстати, исповедует взгляды, близкие к взглядам Союза Михаила Архангела.

– Слава тебе, господи, – были бы у Суховеева свободны руки – наверное, он бы истово перекрестился, – почему же тогда вы обращаетесь со мной, как с врагом?

– Видите ли, в чем дело, гражданин Суховеев. Мы обращаемся с вами в полном соответствии с вашим статусом – вы и есть для нас враг.

– Но почему?

– Смотри, Андрей, – он еще спрашивает. Неужели не доходит?

– Гражданин Суховеев, мы морально осуждаем тех же большевиков за то, что в борьбе с существовавшим режимом они не брезговали пользоваться помощью внешнего врага. Следовательно, с таким же основанием мы осуждаем и вас – тех, кто считал, что использует внешнего врага для свержения большевизма, хотя на самом деле это внешний враг использует вас.

– Простите, госп... гражданин следовательно, не соблагово-

лите ли разъяснить мне, что означают эти звезды, – Суховеев кивнул в сторону полковничьих погон. – Признаться, я подумал было, что принятые у вас чины соответствуют тому, что было в мое время, однако сейчас вижу, что я несколько ошибся в своих предположениях.

– Эти звезды говорят о моем классном чине в прокуратуре, гражданин Суховеев. Этот чин – «старший советник юстиции» – эквивалентен званию полковника в армии.

– Вы из прокуратуры? Удивительно. Я полагал, что буду иметь удовольствие общаться с офицерами контрразведки.

– Офицеры контрразведки, хотя по аналогии они скорее являются офицерами известного вам корпуса жандармов, возглавляли группу, которая задержала вас и частично ликвидировала ваших подчиненных.

– Группу? А, вы о нижних чинах...

– Между прочим, каждый из этих, как вы выразились, «нижних чинов» – студент не менее чем третьего курса университета, добровольно вступивший в армию после нападения Германии.

– Студенты? Добровольно? Да вы смеетесь надо мной, господа, положительно – просто смеетесь. Такое было возможно в Германии периода Великой войны, но уж никак не в России. Наши студюозы от века были озабочены тем, чтобы гадить существующей власти любыми доступными им способами.

– Не «господа», а «граждане следователи», не забывай-

теть. Боец! – Андрей позвал стоявшего снаружи «старослужащего» – кто-то из нас придумал студентам это погоняло, обыграв личность их командира. Старый, когда услышал, чуть от смеха не загнулся – хорошо, говорит, что кульками или пакетами не назвали.

– Боец, какой курс и факультет?

– Третий курс, филологический факультет, товарищ полковник. – При слове «товарищ» лицо Суховеева исказила брезгливая гримаса.

– Филологический? Какими же языками владеешь?

Боец посмотрел на нас – отвечать? Андрей кивнул головой, после чего студент выдал несколько фраз на французском и испанском языках, причем французский подполковник явно понял.

– Да как ты смеешь? Господа, извольте приказать ему... – и замолчал, видимо, поняв неуместность вспышки своего гнева.

– А сменщик твой, он откуда? – продолжал выяснять Андрей. Ну, правильно, надо же и с личным составом поближе познакомиться, совместить, так сказать, приятное с полезным.

– С мехмата, товарищ полковник, на курс старше. У нас вообще гуманитариев мало – я и Серега, остальные – все технари.

– Хорошо. Спасибо, свободен.

– Есть! – Боец, отдав честь, четко повернулся и строевым

шагом вышел. А к пареньку-то коллегам надо присмотреться – ишь, как с ходу вник в ситуацию и сыграл все красиво. Есть задатки-то, есть... Нечего такому красавчику в филологах делать, тем более что сейчас много людей для загранки понадобится – как «те, кто был» себя поведут – неизвестно, а те, кто просто «был» – все канули неизвестно куда. Так, что-то мы отвлеклись.

– Ну что, Суховеев, убедились?

– Убедился. Хочу только заметить, что хам, даже знающий французский, не перестает от этого быть хамом.

– Вы получили с его стороны ровно тот ответ, которого заслуживали. – Андрей худо-бедно понимал французский язык – сказывались многочисленные поездки на выездные матчи «Зенита» в УЕФА и общение с приобретенными во Франции и Бельгии друзьями, школьный курс иностранного языка, опять же.

– Так почему же со мной беседует прокуратура, а не контрразведка? Особой разницы, правда, нет – я все равно ничего не скажу из того, что знаю, ни вам, ни вашему НКВД, или как оно у вас там называется.

Мы с Андреем, не сговариваясь, захохотали. Что он нам может рассказать? Группы, выброшенные до двадцать второго июня, пропали. Задачи групп, которые выбрасывались двадцать второго числа, где-то до вечера, известны назубок – «Гугл», то есть теперь – «Яндекс», в помощь. Задача групп, которые немцы выбрасывали после него, он знать не мог – с

учетом того, что обстановка стала складываться совсем по-другому, задачи в любом случае изменились. А две группы, руководителем одной из которых был он, уже обезврежены. Так что...

– Что вызвало у вас столь бурную реакцию, господа? Я сказал что-то смешное? Или вы сомневаетесь в моей способности выдержать пытки? – На «беспонтовое» обращение «фраера» а он им сейчас и был, «фраером ушастым» – уши-то вон какие, почти как у генерала Власова (интересная аналогия, кстати, надо бы запросить статистику в ИЦ), – мы уже не отреагировали.

– Андрюха... ха-ха... микроволновка... ха-ха...

Ничто так не действует на допрашиваемого, как искренний смех следователя. Это гораздо хуже, чем разговор на повышенных тонах, топанье ногами и прочие безобразия, типа пресловутой лампы, светящей в глаза – конечно, при условии, что целью допроса является не получение информации, а закрепление доказательств. А уж если смеются, не сговариваясь, двое...

Отсмеявшись, Андрей ответил:

– Видите ли, в чем дело, Суховеев. Ни нас, ни контрразведку абсолютно не интересуют сведения, которыми вы обладаете, – мы знаем о вас все. Понимаете – все, до последней запятой. Давайте сделаем так я сейчас расскажу вам историю вашего полка – «Бранденбург», а вы, если сочтете нужным, меня поправите.

Опа! В Андрюхином ноутбуке, который он во время нашего разговора подготовил к работе, открылся «вордовский» файл. Я-то стоял у него за спиной – он сел за стол напротив Суховеева – и видел, как этот черт собирается переписать содержание скопированной в «ворд» статьи с сайта «Братишки». Когда это он успел подготовиться?

– Андрюха, ну-ка объясни?

– А что объяснять-то? Пока ты дрых, позвонил дежурный и сказал, что беспроводной инет включили, ну, я и прошелся по десятку сайтов на всякий случай.

– Блин, мог бы предупредить, я бы тоже слазил, почту проверил хотя бы.

– Без толку. Похоже, почтовые серваки еще висят, я смотрел свое «мыло» – пусто, даже спама нету.

Суховеев смотрел на нас, как на идиотов. Куда можно лезть, чтобы проверять почту? Как «мыло» может быть пустым? Что за бред несут эти... эти...

Выражение морды его лица опять сподвигло нас на истерический смех.

– Итак, господин Суховеев, слушайте меня внимательно: 10 января 1940 года был сформирован 800-й строительно-учебный батальон особого назначения (нем. *Baulehrbataillon 2. b. V. 800*), состоявший из четырех рот. Роты дислоцировались в четырех пунктах, впоследствии место дислокации одной из рот – город Бранденбург-на-Хафеле – дало название всему подразделению («Бранден-

бург»). Наименование «строительно-учебный» было присвоено для конспирации. 1 июня 1940 года батальон был возвращен в 800-й учебный полк особого назначения «Бранденбург» (нем. Lehrregiment Brandenburg 2. b. V. 800), наименование...

Когда Андрей закончил чтение, красный, тяжело дышащий Суховеев был, по-моему, близок к обмороку.

– Господа... Этого же просто не может быть... Вам известно все – абсолютно все...

Естественно. В статье была масса подробностей – таких, о которых, по мнению диверсанта, могли знать только участники описывавшихся событий. Нас, правда, эти подробности не интересовали – безобразия, учиненные «Бранденбургом» в той же Франции, предметом нашего ведения не являлись. Пока не являлись.

– Господа... Прикажите все-таки расстегнуть наручники – слишком давят, затекли руки – и дайте, бога ради, платок и стакан воды, если можно.

– Отчего же только воды? Если вы намерены сотрудничать со следствием, то мы можем предложить вам даже стакан виски или коньяка. – А вот это правильно. В такой ситуации «клиента» пора «размягчать». Не очень этично, правда, зато надежно и практично. В связи с отсутствием оперов наливать виски придется самим. Или...

– Боец!

В комнату вошел на этот раз уже «математик».

– Слушаю, товарищ полковник!

– Боец, перестегни задержанного, ну вот хотя бы сюда...

У стола были достаточно толстые металлические ножи, к одной из которых боец пристегнул правую руку Суховеева.

– Так. А теперь, будь любезен, дождись сменщика и сгоняй к нам в домик – знаешь, где мы остановились? Там в холодильнике стоит «Блэк», принеси сюда бутылочку, если не сложно.

– Хорошо, товарищ полковник, сделаю, – студент вышел.

– А дисциплинка-то у вас хромает, – не преминул подметить Суховеев.

– Что вы хотите? Ребята в армии четвертый день.

– Четвертый день? На четвертый день они ухитрились ночью расстрелять подготовленных диверсантов?

– Они с третьего курса проходят военную подготовку во время обучения (об использовании ПНВ говорить, пожалуй, не стоило).

– Даже так? Наверное, в этом есть смысл, раз эта подготовка приносит такие плоды. Дайте же платок, господа.

Платка у нас не нашлось, поэтому Суховееву была предложена гигиеническая салфетка, вызвавшая новую порцию удивления.

– А...

– Перейдем все-таки к сути разговора. Несмотря на то, что мы сочли возможным удовлетворить некоторые ваши просьбы, советую вам не забывать о том, что наше отношение к

вам, как к человеку, ставшему на сторону врага в борьбе против своей Родины, абсолютно не изменилось. Так что советую помнить, что все, что вы будете говорить, обязательно будет использовано против вас в скором, но справедливом суде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.